

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

Стабильность
нейроматрицы 90%

Устройство переноса
активно

ЧЕРВОТОЧИНА
ОТКРЫТА

ДОРОГА К ФРОНТУ 2

Андрей Львович Ливадный

Дорога к фронту 2

Серия «Дорога к фронту», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74655276*

Аннотация

Фронт, – это особая, совершенно неповторимая среда. Жизнь и смерть переплелись тут так тесно, что кажется вросли друг в друга нервами.

Здесь все – живое и мертвое, – зйждется на резких контрастах. Я врос в эту землю. Я дышу этой гарью, поднимаюсь в этот воздух, в лазурь бездонного неба, уже не мысля для себя ничего другого, но пока еще не подозревая, что кроме явного врага поблизости есть сила, способная влиять на ход событий...

Ды́мами истекала Волга,
Горела нефть, чернел мазу́т,
В разводах соли гимнасте́рка,
И танки от оврага прут...

К полудню степь мертв́а от зно́я,
В небе стервятники па́рят,
И «Юнкеры» с утробным воем,
Винтами ме́сят этот ад.

Небо разорвано в осколки,
Над переправой дымный чад,
За Волгой нет земли поскольку,
Под плоскостями – Сталинград...

Их свора, нас всего лишь двое,
Рвемся навстречу чёрной мгле,
Я атакую, он прикроет...
И комом пламени – к земле...

Ещё заход... держись пехота,
Звенит надсажённый мотор,
А у развального ДОТа
«Юнкерс» пылает, как костёр

Разбит фонарь моей кабины,
Кручусь один в прогóрклой мгле
Но весь свинец сегодня мимо,
Братóк, я помню о тебе...

Плоскость в лохмотья, ветер воет,
Я на посадку захожу,
Кто ж завтра-то меня прикроет?
Узнаю, если доживу...

(с) Андрей Ливадный, август 2026 года.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	62
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Андрей Ливадный

Дорога к фронту – 2

Глава 1

Сегодня солнце палит нещадно, и к полудню степь окончательно омертвела от зноя.

Август 1942 года выдался очень жарким. Редкие деревья пожелтели до времени, листья на них пожухли и скорчились, трава в степи выгорела. Земля распахана воронками, опалена войной, как и вся природа окрест. Пыль, колея, сизый дым от выхлопов, бескрайний приволжский простор, да звонкий, отрывистый лай зениток, – вот что ловят зрение и слух на боевых разворотах, за рокотом мотора и мельканием фронтовых пейзажей.

Степь кажется бесконечной. Дым и пыль висят над ней, днем почти не оседая, образуя плотную дымку.

Колонны немцев: танки, грузовики, орудия, мотоциклы, подводы, да фигурки в форме мышинного цвета, ползут вниз, словно обозленные серо-стальные змеи, изредка огрызающиеся огнем.

Ближе к населенным пунктам появляются лесополосы и заросли кустарников. Видны тонкие ниточки речушек, да рожицы лиственных деревьев, карабкающиеся по склонам от-

логих холмов. В оврагах и балках таится полумрак. Тени от кучевых облаков скользят по ссохшейся земле, словно подвижная, изменчивая камуфляжная сеть.

Ведомый отстал, затерялся в небе, когда мы выходили из-под огня зениток над железнодорожной станцией.

Данные разведки я уже передал, – мой «ЯК» радиофицирован, и теперь ничто не мешает спикировать к земле. Возвращаться домой с неистраченным боекомплектom я не собираюсь...

Осматриваюсь. «Мёссеров» пока не видно, лишь далеко у горизонта роятся скопления точек. На всякий случай вхожу в облако, чтобы сбить с толку вражеских наблюдателей. В контраст с жарой по фонарю кабины тут же начинают змеиться дорожки конденсирующейся влаги.

В просвете облаков вижу очередную колонну и вхожу в пологое пикирование.

Штурмовка дается тяжело. Светлячки шальных трассеров то и дело режут мглу, наискось проносясь мимо.

Обстреляв грузовики, набираю немного высоты и снова иду в заход! Держусь чуть в стороне от дороги. Намечаю цель, доворачиваю рулем направления, слегка поддерживаю ручку на себя, гася излишнюю скорость на небольшой «горке», а затем опускаю нос машины к земле.

Дорога рванулась навстречу.

Подаюсь к прицелу. Тусклая паутина перекрестья скользит вдоль разбитой колеи. Нервы натянуты в струну, гото-

вы лопнуть. Одна малейшая ошибка и врежусь, – резко дергать ручку нельзя, иначе мгновенный срыв воздушного потока опрокинет машину в сваливание.

Все спрессовывается в доли секунд. В прицел стремительно вползает крытый брезентом «Opel Blitz». Вжимаю гашетку курсовых пулеметов, не экономя БК. Держу курс. Упругие трассы двух ШКАСов выбили фонтаны пыли позади грузовика, а затем, набегая на машину, вспороли тент и кабину.

Доворачиваю вдоль дороги, не прекращая огня.

Во все стороны разбегается пехота. Кто-то орет, кто-то валится на землю, кто-то стреляет. Еще один грузовик резко встал, выплюнув клуб дыма. Плавно беру ручку управления на себя, а рычаг газа даю вперед.

На приборы смотреть попросту некогда. Высота, скорость, угол атаки, – все это ощущается на уровне нервов, воспринимается по звуку двигателя, вибрациям фюзеляжа, да мелькающим за фонарем кабины деталям степного пейзажа.

Ухожу вверх и вправо. Двигатель принял обороты, работает ровно. Вслед злобно колошматит «MG», но стрелку мешают деревья, которыми обсажена дорога, – навык штурмовки отработан мной до полнейшего автоматизма.

Мышцы ноют. Управление требует больших физических усилий. Каждый заход – это бешеный адреналин. Без него не выдюжить по четыре-пять вылетов в сутки. Доворачиваю на запад, осматриваюсь. Точек нигде не видно, но это ничуть не успокаивает. «Мессеры» могут появиться в любой

момент. Одинокий красноезвездный истребитель для них лакомая цель. Зажмут на малых высотах, действуя в паре, – мало не покажется. Снова и снова кручу головой, осматривая горизонт и небо по определенной схеме, тоже отработанной до автоматизма. Лоскут парашютного шелка служит как раз в этих целях, – чтобы шею воротником не натирало.

Оставив позади развилку дорог, набираю еще немного высоты и снова осматриваюсь. Бдительность нельзя терять ни на секунду. От нее напрямую зависит жизнь.

В небе по-прежнему чисто. Конечно, нет гарантии, что «мессершмитты» не наведут по радию, хотя бы на квадрат, но пока все тихо. Ниже и правее показалась небольшое село. Линия фронта уже близко, а все дороги сейчас забиты войсками. Заходя на штурмовку, ты точно знаешь, что внизу обязательно найдутся цели.

Сверяюсь с картой. До передовой отсюда пять километров. Вполне подходящая дистанция для легких полевых гаубиц¹.

Первый заход делаю на бреющем, уточняя обстановку. Смотрю внимательно. Со стороны небольшой лиственной рощицы медленно ползет легковушка, – штабной «Хорьх». Уже хотел довернуть на него, как вдруг три рваные вспышки сверкнули в дымной, льнущей к земле мгле. Орудия?! Гаубицы?!

¹ 10,5 cm. leichte Feldhaubitze 16, максимальная дальность стрельбы – 9200 м, боевая скорострельность – до 5 выстрелов/мин.

Мой «ЯК» лег на крыло, задирая нос. Ухожу в косую петлю, просматривая пространство под собой справа от курса, там, где только что видел неровные отсветы.

Точно. Гаубичная батарея! Орудия окопаны в неглубокие капониры. Их едва ли маскирует пожухлый колхозный сад, но деревья будут сильно мешать при штурмовке.

Беру рожицу, как ориентир, разворачиваюсь над ней, ложусь на обратный курс и захожу в пологое пикирование. Рулем направления корректирую траекторию полета, с таким расчетом, чтобы немецкие орудия оказались на одной линии относительно моего курса. Так есть шанс поочередно поразить несколько целей длинными очередями из пулеметов и пушки. Не думаю, что мне дадут возможность сделать несколько заходов. Батарея по-любому должна быть прикрыта зенитками!..

Прибираю газ.

Скорость по приборам – триста километров в час. Дистанция стремительно сокращается. Даже сквозь рокот мотора слышу, как снова ударил пушечный выстрел.

Высота сто пятьдесят метров! Открываю огонь. «ЯК» ощутимо качнуло.

Секунда... Вторая...

Пятьдесят метров... Тридцать Пятнадцать... Разрывы рвут землю. Что-то оглушительно ухнуло. Сзади-ниже сверкнуло пламя. Деревья уже почти под брюхом машины, – начинаю задира́ть нос «ЯКа», даю газ, ухожу вверх...

Вслед летят трассеры. Набрав немного высоты, встаю в правый вираж. Промелькнула околица и снова появилась та самая роща, стремительно проносящаяся ниже.

Сердце бьется неровно. Во рту сухо, горьковато. Сколько боекомплекта осталось, – без понятия. На наших истребителях нет счетчиков расхода БК. По ощущениям – выпустил добрую половину снарядов для пушки. Если учитывать предыдущие штурмовки, то боеприпасов осталось чуть. Надо уходить, но сначала – контроль.

Из виража выхожу с минимальным набором высоты. Не хочу облегчать задачу немецкой ПВО. В пределах населенного пункта секторы обстрела зениток серьезно ограничены растительностью и постройками, а мне на сверхмалых высотах ходить не впервой.

На окраине колхозного сада в небо поднимается жирный столб дыма. Что же там рвануло? Снаряды?

Пронoshусь низко, слегка кренясь на крыло, иначе пространство под фюзеляжем невозможно просмотреть. На скорости в четыреста километров в час зенитного огня особо не опасаясь, хотя от шальной пули или снаряда никто не застрахован.

Один из капониров превратился в глубокую воронку. Вызывающе чернеет дымящаяся почва. Орудие перевернуто. Не знаю, что именно там рвануло, скорее всего ящик с боеприпасами, но результат меня вполне устроил. Еще успел заметить разбитые в щепу ящики, несколько неподвижных

тел, а поодаль – убитую лошадь. Вот ее жалко, в отличие от фашистов.

Все, пора уходить домой. «Хорьху» крупно повезло. Машина успела скрыться в одном из дворов.

Выравниваюсь в горизонте, пристально осматриваюсь.

«Мессеры»! Легки на помине...

Явно скорректированы по рации, но из-за мглы они не смогли безошибочно выйти на цель, и это единственное, что спасло меня от мгновенной атаки в пикировании, – им пришлось доворачивать под неудобным углом.

Ухожу к линии фронта. Я ниже, и скорость после штурмовки у меня меньше. Принимать бой над вражеской территорией при таком раскладе – абсолютное безумие. Пользуясь несомненным преимуществом в энергии, немцы будут «клевать» по очереди, и почти наверняка собьют. Надо оттянуть их за передний край, а там уже можно и повиражить.

Упорно тяну к своим.

Немцы не отстали, бросились вдогонку.

Моя скорость – четыреста пятьдесят. Иду низко. Два «мессершмитта» постепенно, но неумолимо догоняют, используя изначальное преимущество и большую мощность моторов. Дистанция уже опасная. Явно меньше километра, судя по силуэтам. Пора отворачивать, иначе срубят!..

Будь фашист один, я бы не задумываясь крутанул размазанную бочку, мешая ему прицелиться, и с большой долей вероятности пропустил бы врага вперед, под собственный

прицел, но их двое. Кто-то из них среагирует, успеет оттормозиться на горке, и тогда без вариантов – собьют. Нет, надо искать другой выход.

Блеклый полдень уже озаряют сполохи разрывов. До линии фронта дотянул. Резко отворачиваю вправо.

По спине пополз холодок. Ждал очередей, но нет, – угол для стрельбы неудобный. Немцы не смогли повернуть на нужное упреждение, чтобы зацепить резко маневрирующий «ЯК». Трассы, если они и были, пронеслись где-то сзади.

Оглядываюсь. Как и предполагал, фашисты оказались достаточно опытными пилотами.

Делаю боевой разворот с набором высоты.

Короткое схождение, треск очередей, и мы разошлись на встречных.

Резко кручу полубочку, – земля и небо поменялись местами, – и тут же ухожу в полупетлю вниз, – самолет проваливается в крутой разворот с потерей высоты. Плеснула перегрузка, степь стремительно рванулась навстречу. Выравниваюсь у самой земли, – высоты едва хватило. Зато немцы сейчас поплатятся за самоуверенную вальяжность. Они уже начали левый боевой разворот, ожидая от меня либо бегства, либо аналогичного маневра, но я, разогнавшись в коротком пикировании, неожиданно проскочил на фоне земли и вышел на них снизу.

Атакую ведущего. Скорости велики, на прицеливание отпущены доли секунд. Вжимаю гашетки. «ШКАСы» огрызну-

лись короткой очередью, а пушка молчит!

Осечка? Заклинило? Или опять ослабили спусковые тросики?!² Дергаю ручку перезарядки, но поздно, «мессер» уже шарахнулся в сторону и вывернулся из-под прицела. Его выхлопные патрубки заметно плюнули дымом, – пилот дал форсаж, резко уходя со снижением.

Я зло проводил его взглядом, проконтролировал второго, который потянулся ему вслед, а затем развернулся на восток. Иду домой. Тут, как говорится без вариантов. Благо линия фронта уже пройдена.

* * *

Через десять минут подхожу к аэродрому.

У небольшой речушки зеленеет роща акаций. Взлетно-посадочная полоса тянется краем бывшего колхозного поля.

Надо сказать Басаргину, – плохо замаскированы капониры. Видны еще не убранные отвалы свежевырытой земли. Маскировочные сети сильно выгорели под солнцем и вызываясь желтеют, как заплатки...

На посадку зашел, все еще кипя от досады. Закончив рулежку, заглушил мотор. Потапыч уже рядом. По выражению моего лица он понял: что-то не так!..

– Андрей, что случилось? Не ранен? – фамильярность он

² Тросики в «ЯК-1» передают усилие от спускового рычага (гашетки) в кабине к ударно-спусковому механизму мотор-пушки.

давно заслужил. Если рядом нет строгого начальства, обща-
емся просто.

– Оружие отказало! «Мессер» в прицеле был!

– Ну сейчас разберемся, – старшина тут же принялся осматривать машину на предмет пробоин, довольно кряк-
нул, не найдя видимых повреждений, и резким, не предве-
щающим ничего хорошего жестом поманил оружейников.

Я выбрался из кабины и коротко спросил:

– Как Сорокин? Вернулся?

– Вернулся. Ни царапины. Думали Иверзев его сожрет.
Захаров пока на задании, – предупреждая мой вопрос, доба-
вил Потапыч.

Я кивнул и пошел на КП. Докладывать.

– Товарищ лейтенант!

От дальней стоянки самолетов, придерживая бьющий по
бедрю планшет, ко мне со всех ног бежит Лёшка Сорокин.

Запыхался. Остановился. Вид виноватый.

– Ну? – я все еще зол, почти до бешенства.

– Товарищ лейтенант, потерял я вас... Как из пикирова-
ния вышли, сразу и потерял. Вверх не взмоешь, – зенитки
бьют, обложили меня плотно. Кручу головой, а вас не вижу!..

Знакомая ситуация. С каждым может случиться. Сам че-
рез такое прошел, и не раз, но ободрять ведомого я не стал.
Да, скорости большие, зенитный огонь в районе железно-
дорожного узла действительно был крайне плотным, а на
сверхмалых высотах все внимание сосредоточено на пило-

тировании, но это не повод оторваться от ведущего и потерять его в ясном небе!..

– Плохо, Алексей. Нас обоих могли легко сбить поодиночке!..

– Да понимаю я, товарищ лейтенант...

– Нет. Видимо, не понимаешь. Цепко должен держаться за ведущим, что бы ни случилось! Будем над этим работать. Как добрался? – я все же сдержался от выражения крайних эмоций.

Видя, что буря вроде как минула, он слегка приободрился.

– На обратном пути атаковал «Хенкеля». Подранок. ОтбилсЯ от стаи, шел низко, едва полз.

– Сбил? – я конечно же оживился.

– Три захода сделал! Весь боекомплект по нему высадил! Потом «мессеры» появились, пришлось уходить.

– А «Хенкель»?

– Да задымил он, но не упал. Эх мне бы еще минутку... – младший лейтенант расстроен почти до слез.

– С первого захода надо сбивать. Куда целился?

– В правый двигатель. Попадания видел. Какие-то куски летели, а ему хоть бы что!.. Снаряды в пушке закончились, а ШКАСы слабоваты...

– Ладно, потом все в деталях разберем. Я на КП, докладывать. Пока передохни, скоро снова полетим.

– Слушаюсь! – его окончательно отпустило.

Я снова зацепил взглядом плохо укрытые капониры.

Непорядок, который может обернуться бедой. Сюда нас перебросили накануне, в срочном порядке.

Останавливаю сержанта из батальона аэродромного обслуживания:

– Где старшина Басаргин?!

– Не видел его, товарищ лейтенант!

– Найди. Скажи, что Скворцов велел передать: капониры плохо замаскированы! С воздуха выделяются!

– Есть!

На самом деле батальон аэродромного обслуживания работает, не покладая рук. Всю ночь они готовили взлетную полосу. Теперь копают землянки. Командный пункт пока разместился в палатке под сенью акаций. Неподалеку высит-ся несколько заброшенных, закопченных каменных построек без крыши, – мне думается, какая-то усадьба, сохранившаяся с давних времен. Уточнять было некогда, наш полк только вчера прибыл на этот полевой аэродром.

Подхожу к штабной палатке. Хриплый, надсаженный голос Земцова слышен издали:

– Да нет, же! Нет! Откуда я тебе их возьму?! Понимаю! Делаем все, что в наших силах! Да, понял...

Я отвернул полог, вошел внутрь.

В палатке кроме Земцова, Иверзева и связистов я заметил незнакомого капитана со знаками различия автобронетанковых войск.

– Товарищ майор разрешите доложить результаты выле-

та?

– А, Скворцов. Заходи. Радиосообщение твое получили, но – докладывай, – командир устало потер переносицу, тяжело сел.

Я подошел к столу, застеленному картой. Быстро сориентировался, взял карандаш и, не делая явных пометок, движением очертил станцию:

– Сюда пришел состав с горючим. Цистерны уже растаскивают по тупикам и запасным путям. Станция очень плотно прикрыта зенитками, – я достал из планшета свою карту, где успел схематично пометить некоторые позиции немецких батарей.

– А скопления техники? – вклинился Иверзев.

– Явных нет, товарищ капитан. Эшелоны под разгрузкой стоят, это да, но думаю техника сразу же уходит куда-то в другие места. На обратном пути, – я указал небольшое село и обозначил дорогу, – обнаружил гаубичную батарею. Отработал по ней. Одно орудие точно повредил. Еще подбил грузовик. Затем вот тут, – я очертил квадрат – сцепился с двумя «мессерами», но безрезультатно. Они ушли к линии фронта.

– Молодец, Скворцов, – скуп похвалил меня Иверзев, делая какие-то пометки в своем блокноте. – Что скажешь по поводу ведомого? – тут же уточнил он.

– Обстановка была крайне сложной. Очень плотный зенитный огонь. Уходить от него пришлось на сверхмалых высотах...

– Защищаешь значит? – прищурился начштаба. – Он тебя бросил, а ты его защищаешь?

– Он меня не бросил. Непреднамеренно отстал, потеряв ориентировку в воздухе. Есть разница, товарищ капитан, и я ее учитываю.

– Ну смотри...

– Ладно тебе, Прохор Иванович, – вмешался Земцов. – Вечером, если надо, все выскажешь. А сейчас, – он взглянул на меня, – готовься к новому вылету, Скворцов. Пойдете на прикрытие войск. Немец прет озверело. Обстановка крайне тяжелая...

«Тяжелая, это мягко сказано», – подумал я, а вслух спросил:

– Кто поведет?

– Ерофеев.

Хорошо. Старший лейтенант Сергей Ерофеев – опытный летчик, хороший командир эскадрильи. Вопросов у меня больше нет. И так понятно: идем на смену тем, кто сейчас прикрывает войска. Только бы техники успели подготовить машину. Не хочу пропустить вылет.

Наш полк еще не обескровлен боями. Недавно с переформирования, мы еще не начали «выгорать».

– Все, можешь идти, – разрешил Земцов.

– Есть! – я козырнул и вышел.

Мысли уже в небе. В предстоящем вылете.

Мой «ЯК» не раскапотирован – хорошо! Вижу, что откры-

ты лючки перезарядки пушки ШВАК и пулеметов ШКАС, – прямо сейчас оружейницы фиксируют ленту со снарядами. Она должна лечь ровно, без перекосов. За перезарядку взялся лично Потапыч. Налег на ручку. В результате его усилий зубчатый барабан ШВАКа прокрутился, и лента со снарядами поползла внутрь фюзеляжа.

По опыту знаю – на все уйдет минут пятнадцать. Есть время, чтобы перекинутся парой слов с Ерофеевым.

Моя память, – та из будущего, которое теперь субъективно стало для меня прошлым, не тускнеет.

Лето сорок второго. Полеты парами еще не закреплены в боевых наставлениях. Их пока что применяют на свой страх и риск лишь те летчики, кто через край хлебнул горечи потерь и сделал личные выводы³.

Плотные построения и полеты звеньями без эшелонирования по высоте существенно ограничивают нашу свободу маневра и боевую эффективность, чем охотно пользуются немцы.

Мы с Сергеем говорили об этом. Надеюсь, он внял моим доводам.

Но я ошибся. Старший лейтенант смотрит хмуро. Явно опасается брать на себя ответственность. Самодеятельность в полку не поощряется.

³ Идея летать парами уже «витала в воздухе», её продвигали прогрессивные командиры вроде Покрышкина, и в отдельных звеньях она приживалась, но официально и массово тактику закрепляли чуть позже. Постепенно, на основе боевого опыта, этот подход стал доминировать и был закреплён в наставлениях.

– Вот, что, Андрей. Летим, как положено, – он явно готовился к разговору и предупредил мой вопрос.

– Ты уверен? Хорошо подумал?

– Да, подумал! – ответ прозвучал запальчиво. – Если бомбардировщики прорвутся к войскам, кто будет в ответе?

– Ты.

– Значит мне и решать! – отрубил он.

Времени вступать в спор нет. Через несколько минут вылет.

Бегом возвращаюсь к своему «ЯКу».

– Потапыч?

– Все в порядке, – он вытирает руки. – Машина исправна.

– Что с пушкой? Почему отказала?

– Не отказала. Расстрелял ты все, до железки. Лично проверил, можешь не сомневаться.

«Вот как? Значит зря на оружейников грешил. При штурмовке истратил весь боекомплект к ШВАКу...» – мысли проносятся стремительно.

– Дозаправлен, перезаряжен, – Потапыч коснулся законцовки крыла «ЯКа». Затем помог мне надеть парашют и выставил кулак. Я ткнул в него своим, – такая вот у нас традиция сложилась. Уж и не помню, как это вышло впервые, еще под Москвой дело было.

Забираюсь в кабину. Мотор не успел остыть. Быстро произвожу ставшие уже привычными, отработанные до полного автоматизма манипуляции. Под давлением сжатого воз-

духа винт провернулся. Вдавливаю и удерживаю кнопку зажигания, но двигатель не заработал. Считаю секунды. Три... Шесть... – уже надо бы отпускать, но Потапыч кричит:
– Жми, жми вибратор⁴, давай, сейчас схватит!
Завелся!

Закрываю кран пневматического самозапуска, быстро обегая взглядом приборы. Давление масла. Температура масла и воды. Норма...

Ерофеев к этому времени уже закончил рулежку.

Я тоже выруливаю на старт.

Комэкск взлетел первым, за ним его ведомые. Теперь наша очередь. Начинаю разбег. За мной – Сорокин, следом Дима Поздниченко. Оба младших лейтенанта пока неплохо себя показывают.

А полоса-то утрамбована скверно. Еще остались ухабы... Только бы не сорвать ритм... Мотор тянет ровно, левой педалью компенсирую реактивный момент винта. То и дело бросаю короткий взгляд на указатель скорости. С отрывом торопиться нельзя. При раннем взятии ручки можно легко потерпеть аварию.

⁴ «Вибратор» – это не отдельное устройство, а просторечное название кнопки зажигания (в технической документации её иногда так и помечали: «кнопка зажигания (вибратор)»). Когда пилот нажимал кнопку, она заставляла контакты прерывателя быстро вибрировать (отсюда и термин «вибратор»). В результате на свечи шла не одна мощная искра, а серия частых искр. Такая многократная искра повышала шансы, что топливно-воздушная смесь воспламенится даже в сложных условиях.

Взлетели. Ведомые пристроились, держатся уверенно. С радиосвязью, к моей немалой радости, вопрос в войсках начал решаться. У младших лейтенантов на машинах установлены только приемники, у Ерофеева и у меня – приемник и передатчик.

Осматриваюсь, а затем касаюсь ларингофона:

– Второй, держись свободнее, не жмись ко мне! Третий, чуть выше.

Выполнили, значит слышат меня хорошо, связь устойчивая. Теперь в набор высоты!

* * *

К линии фронта мы подошли на двух тысячах, в плотном строю.

– «Лаптежники»⁵! Левее! Атакуем! Второе звено, – связать боем прикрытие! – голос комэска слегка искажен помехами.

Множество мыслей пронеслось у меня в голове за те мгновенья, пока звено Ерофеева доворачивало на «Юнкерсы».

Внизу позиции наших войск. И дела на передовой совсем

⁵ У немецких «Ju-87» были характерные неубирающиеся шасси, обтекатели которых напоминали лапти, отсюда возникло просторечное, прижившееся в наших войсках название. К слову, характерный вой, который издавал «Юнкерс-87» при пикировании имел механическую природу и практический смысл. Его издавал ревун, дающий пилоту сигнал о достижении определенной высоты и скорости в пикировании.

плохи.

Часто и хаотично вспухают разрывы. Взблески пламени, клубы дыма и пыли с высоты кажутся ничтожными, но на самом деле там царит ад. По переднему краю долбят немецкие гаубицы, минометы и полевые орудия, а за валом огня на разорванные нитки траншей накатываются танки.

Их сдерживают лишь несколько наших орудий, да отчаянное мужество пехоты.

В небе вращается исполинская наклонная фреза, собранная из отдельных вражеских машин, – девятка «Ju-87» встала в круг, штурмуя позиции наших войск.

Земля горит и дыбится. Пока один «Юнкерс» вспарывает траншеи огнем из пушек, на подходе, в пикировании уже следующий, а за ним еще и еще. Их утробный рев способен разорвать и смять даже самые крепкие нервы. После короткой штурмовки «лаптежники» лезут ввысь, двигаясь по траектории, похожей на наклонный овал. Достигнув апогея, они теряют скорость и снова устремляются к земле.

А на подходе еще две стаи бомбардировщиков, – но они пока далеко...

Прикрытие этого участка фронта, – восемь «мессеров», барражируют на трех тысячах. У них почти километр преимущества в высоте относительно нас.

Все это промелькнуло в мыслях и стало прошлым.

Касаюсь ларингофона, плотно прижимая его к горлу, и отдаю команду ведомым:

– Атакуем «худых»⁶! Расходимся шире и держим строй!

Воздушный бой – это прежде всего поединок нервов. Сплошной человеческий фактор. Порой при невыгодном позиционном раскладе выручает разумная дерзость. Скопление кучевых облаков я заметил давно, еще на подходе. Несколько белоснежных гор примерно на трех тысячах. Они близко... Мы должны успеть...

Рвусь ввысь. Движок тянет ровно. Ведомые идут за мной. Немцы нас заметили. Две пары отделились от общей группы.

Пикируют. Доворачиваю на них, но немцы уклонились. Они прекрасно осознают свое полное тактическое преимущество. Зачем им рисковать?

У них есть скорость. Мы же тянем вверх, неизбежно ее теряя.

Действия немецких пилотов читаются легко. Уклонившись от лобовой, они, используя накопленную в коротком пикировании скорость, быстро развернулись, стремительно заходя на нас снизу-сзади, а я вопреки здравому смыслу, по-прежнему тяну вверх, на оставшихся. Надо согнать их с высоты, иначе ничего не выйдет!..

Вжимаю гашетку ШКАСов. Дистанция еще великовата, но фашисты задержались. Трассеры, окропившие небо, быстро пошатнули самоуверенность немецких пилотов. Ведомые дружно поддержали меня огнем... Хорошо!..

⁶ Сленг. Так среди наших летчиков называли «Мессершмитты» за их художественные обводы.

Четверка, с которой мы только что разошлись, уже близко. Неумолимо заходят с «шести»...

Остававшиеся наверху «мессеры» резво прыснули в разные стороны. Их внимание мы привлекли, построение сломали. Теперь осталось выжить.

Кучевые облака приближаются, скорость падает. Не знаю, что творится сейчас в душе у ведомых, но у меня спина мокрая и липкая от холодного пота.

Хриплю:

– Второй уклоняйся влево!.. Третий – вправо! Затем, оба, – в облако и вверх!

Младшие лейтенанты меня слышали, синхронно отвернули в разные стороны, лишь я у немцев в прицеле, – по-прежнему держу на себе фокус внимания.

Левее и выше резанули трассы. Спина окончательно взмокла. Работаю рулем направления, сбивая фашистам прицел...

Еще трассы... Ближе и ближе...

Но вот она, – спасительная, седая дымка. За фонарем кабины плеснулась муть. Фашисты сразу же меня потеряли из виду, их огонь прекратился. Перехожу в горизонтальный полет, набираю потерянную скорость и сразу же снова тяну вверх!

Облачность пробил!

«ЯК» начало трясти на пределе сваливания. Даю правую педаль, рулем направления заставляя машину скользить в

нужную мне сторону.

Выполняю «разворот на горке»⁷. Кучевое облако осталось левее-сзади. Немцы рыщут ниже. Ведомые должны меня заметить и пристроиться, но пока – не факт.

Коротко пикирую на ближайшего фашиста. Они теперь оказались ниже. Ценой смертельного риска мы отыграли несколько сот метров.

Силуэт «мессера» растет в прицеле. Еще немного... Еще чуть ближе...

В последний момент немецкий пилот заметил опасность и резко сманеврировал, уходя со снижением. Мои очереди сильно зацепили его крыло, а в следующий миг внезапно вспыхнул и, медленно кувыркаясь, канул вниз еще один «мессер»!

Машина Сорокина промелькнула выше и правее! Сбив фашиста, младший лейтенант сразу же пошел на горку!..

– Лёха, молодец! Не суетись, пристраивайся!.. Третий, где тебя носит?!

Трассы, прыснувшие левее и ниже, послужили ответом.

Поздниченко не попал. Пилот «мессера» его видел и постоянно сбивал прицел скольжением. Но мы теперь, как говорится, «ходим на энергии». Упали на них с высоты, атаковали и снова пошли вверх! Один немец сбит, еще один поврежден!

Цепко осматриваюсь.

⁷ Иначе «ранверсман».

Несколько уцелевших «Юнкерсов» уходят на запад. Звена Ерофеева пока нигде не вижу. Землю плотно затянуло мглой. Прорвали немцы нашу оборону или нет – непонятно.

Шестерка «худых» отошла в сторону для безопасного набора высоты. Сейчас развернутся на нас. На подходе еще две группы бомбардировщиков, – вижу их, но силуэты пока неразличимы. Там тоже должно быть сопровождение.

Бомбардировщиков надо отогнать. Любой ценой. Но давать немецким истребителям шанс снова сесть нам на хвост тоже не хочется. Принимаю решение – атаковать их.

Идет тяжелая фронтовая работа.

Попытка связаться с Ерофеевым ничего не дала.

Схватка разгорается. Внизу опять часто засверкали разрывы. Две группы бомбардировщиков приближаются к нашему переднему краю.

Мой расчет прост. Используя набранную высоту, мы устремились на «мессеров». Они предсказуемо не приняли лобовую, разошлись, но ближайшая группа бомбардировщиков лежит на нашем курсе, а пилотам немецких истребителей теперь придется разворачиваться. Они потеряют время, а мы выиграем еще несколько секунд для построения стремительной атаки!

Несемся в отлогом пикировании почти на пределе флаттера.

Стали видны силуэты. Опять девятка «Ju-87»! Два прикрывающих их «мессера» рванулись нам наперерез.

– Третий, отбей!

Поздниченко меня услышал, повернул на них, сразу же открыв огонь, заставляя немцев прекратить атаку и маневрировать, но те все же успели огрызнуться. Набранная нами в пикировании предельная скорость сковывает управление, – резко теряется маневренность, а ручка «тяжелеет», требуя приложения огромных усилий. Лейтенант не справился, не успел увернуться, и его «ЯК» вдруг превратился в ком пламени!

Сбившие ведомого «мессеры» резко провалились назад и вниз.

Мы делаем все, что можем. Девятка «юнкерсов» стремительно приближается.

Строю заход. Маневрирую, гася излишнюю теперь скорость. Сорокин на миг куда-то пропал. Осматриваясь, я его не увидел, но нет, снова появился!

Ведомый уже рядом. Его машина просела по высоте на выходе из пикирования, но Сорокин быстро выровнялся и подтянулся, – это выглядит, словно он вынырнул справа, почти крыло в крыло.

– Атакую ведущего! Прикрой!

«Юнкерс–87» не защищен снизу-сзади. Хвостовая часть фюзеляжа блокирует это направление для бортового стрелка, чье место расположено сразу за кабиной пилота.

Захожу снизу-слева. Ручка управления ходит тяжело. Сказывается накопленная усталость. Часто моргаю, – глаза

слезятся от напряжения.

Силуэт немецкого бомбардировщика стремительно растёт в прицеле. Ракурс примерно три четверти: виден характерный излом крыла, остекление кабины стрелка и эти нелепые обтекатели шасси, похожие на лапти. Бомба висит под фюзеляжем, и субъективно внимание срывается, – кажется, что она – бомба, – способна заслонить всё небо...

Открываю огонь. «ШВАК» ритмично сплевывает снаряды длинной очереди, – мутная, слегка рваная трасса потянулась к «Юнкерсу», оконтурив его вспышками попаданий: отлетел кусок решетчатого воздушного тормоза, перерубило стойку шасси, а затем фюзеляж вдруг разнесло мощным взрывом, – сдетонировал боекомплект.

Не раздумывая, срываю машину в крутой переворот и валюсь вниз. Вверх тянуть нельзя, – стрелки уцелевших «Юнкерсов» только и ждут, чтобы срезать. Мимо меня, падает бомбардировщик, сбитый Сорокиным.

От перегрузок начинает меркнуть сознание. Кажется, на какие-то мгновенья я все же «поплыл». С трудом выравниваюсь, – опасно, намного ниже, чем вообще рассчитывал.

У земли висит плотная прогорклая мгла. У разбитого ДО-Та полыхает еще один сбитый «Юнкерс». Рядом – немецкий танк без башни и наше орудие, перевернутое взрывом. Оспины воронок перекрывают друг друга. Почва тлеет.

Кручу головой. И вдруг сзади из мглы вынырнула пара «мессеров».

Проклятье!

Последовала короткая внезапная атака, которую я уже не мог отразить. Длинно ударили пулеметы и пушки.

Фонарь моей кабины разлетелся вдребезги! Звон от контузии ватный, сознание на миг померкло, но тут же вернулось. Машинально подтягиваю ручку на себя, рулем направления ломаю траекторию. Чувствую вкус крови на губах. Ветер посвистывает в осколках плексигласа. Машина заметно кренится. Ход ручки управления тяжелый, а «мессеры» уже взмыли вверх. Сейчас развернутся и добьют.

Правая плоскость вся в дырах.

Мимо наискось промелькнул еще один ком пламени. Я не успел заметить, кто?! В горле першит. Часто сглатываю. Надо выходить из боя и тянуть домой.

Ведомого нигде не видно. Вообще ничего не видно. Дымка у самой земли слишком плотная.

Рация не работает. Антенну срубило очередью.

«ЯК» плохо слушается управления. Любой маневр мгновенно отзывается разрушительными вибрациями. Вокруг ярится наземный бой. Я критически теряю высоту.

Среди дымов вдруг промелькнул хорошо узнаваемый горбатый силуэт. Из-под его крыльев ударили «ЭРЭСы»!

Это «ИЛ-2»! Наши «Илы» штурмуют прорвавшиеся вражеские танки! Сверху их прикрывают «ЯКи». Один из них пронесся близко, покачал крыльями. Я успел заметить бортовой номер. Вот кто снял повторно заходивших на меня

«мессеров».

Осторожно выправляю курс. Парю рулем направления изменившуюся из-за разорванной плоскости аэродинамику, поворачиваю домой.

Время тянется невероятно медленно. Постоянно прислушиваюсь к звуку работы мотора. Часть циферблатов на приборной панели разбита осколками, – температуру воды и масла контролировать невозможно.

Движок тянет. Топливо пока есть. С трудом нахожу наземные ориентиры.

Вскоре показался аэродром. Не делая над ним кругов, сразу же иду на посадку.

Снижаюсь очень медленно и осторожно. Закрылки выпускать не стал, скорость и так на нижнем пределе, но это по ощущениям, разбитые приборы не работают.

Шасси вышли. Боялся, что их заклинит, но вроде бы обошлось. Израненная машина дрожит и вибрирует. До земли уже меньше метра. Подтягиваю ручку на себя, приподнимаю нос. Колеса коснулись полосы. Небольшой отскок и снова касание. Заскрипели тормоза, – пневматика работает...

Мотор заглох на коротком пробеге. «ЯК» покачнулся и остановился.

Сижу, не в силах пошевелиться. Ко мне несется полуторка.

Солнце кровавой каплей стекает к горизонту. Его предзакатные лучи едва пробиваются сквозь висящую у земли гарь.

На сегодня фронтовой день для меня закончен.

Глава 2

Вечером, после ужина у меня состоялся откровенный разговор с командиром полка.

Из крайнего вылета не вернулся командир эскадрильи старший лейтенант Ерофеев. Оба его ведомых, как и я, едва дотянули до аэродрома. Дима Поздниченко погиб. Не смог выпрыгнуть из объятой пламенем машины.

Потери не добавили рассудительности: я не сдержался и с глазу на глаз высказал майору все, что думаю. А накопилось много.

– Скворцов, вы сделали все, что смогли! – выслушав меня, резко ответил Земцов.

– Вот именно, товарищ майор! Мы сделали, что смогли! А подойди мы к линии фронта парами, на трех-четыре тысячи, то мы бы сделали все, что захотели! Здесь – разница! И цена этой разницы – наши жизни! Вы же боевой летчик. Если мы с вами, к примеру, сойдемся в учебном бою, но я буду на двух тысячах, а вы – на тысяче метров, то кто из нас выиграет? Вы ведь все это сами прекрасно знаете!

– Тон умерь, лейтенант!.. Я тебя услышал. Подумаю. Свободен.

Земцов, – нормальный мужик. Сказал «подумаю», значит так и будет. Надо дать ему время. Пусть он спокойно осмыслит сказанное.

Я вышел на улицу.

Мяту́щаяся разрывами ночь рвет горизонт частыми вспышками осветительных ракет. Линия фронта глухо вздрагивает, рассыпаясь тревожащим пулеметным огнем. Редкие кучевые облака на фоне зарниц кажутся обелисками тьмы, которые кто-то подвесил в небе.

Словно басовитые ударные вдруг раскатилась далекая орудийная канонада, а затем на минуту все абсолютно стихло, — лишь шелестит ветер, да сияют звезды...

И вдруг в этой невыносимой, звенящей ночной тишине, словно нож, по нервам полоснула мелодия.

Играла скрипка. Звуки доносились со стороны заросшей бурьяном, полуразрушенной усадьбы.

Война не отпрянула, но замерла́, скалясь удивленно и злобно. Чарующие звуки плыли в прогорклom от дыма ночном воздухе, сменяя прохладу, словно невесомый шелк.

У меня по коже невольно поползли мурашки. Эти звуки показались мне совершенно нереальными, принадлежащими какому-то другому миру.

Но кто же играет? Как? Почему? У кого после смертельной усталости боевого дня хватило сил на такое? Откуда взялся инструмент?

Я шагнул во тьму. Ветки кустарника не пускают, пружинисто противясь моему порыву.

Есть случайные события, которые лежат выше обыденности. Они происходят вдруг, но запоминаются на всю остав-

шуюся жизнь, горят в памяти, будто светочи, показывая, что истинно-ценно, а что лишь мишура. Ты запоминаешь их навсегда.

Именно так произошло сейчас и, продираясь сквозь бурьян, я хотел непременно увидеть, кто же играет?

Старинный двухэтажный дом с проваленной крышей выступил из тьмы. Большой, каменный, пустой и холодный. Опаленный войной, с выщербленными стенами и побитыми окнами, щерящимися осколками стекла по краю рам.

Изнутри, сквозь один из оконных проемов второго этажа пробивается неровный свет. Именно оттуда лилась мелодия.

Я вошел внутрь. Вероятно, до войны тут был музей. Возможно, какого-то композитора? В просторной гостиной громоздятся обломки старинной мебели, а на полу под ногами шуршат нотные листы обгорелых партитур.

Точно бывший музей.

Ступень широкой деревянной лестницы сдавленно скрипнула, когда я наступил на нее. Звук показался резким, чужеродным.

Война...

Мысли осеклись, рука сама расстегнула кобуру. Рукоять «ТТ» привычно и веско легла в ладонь. Сухо щелкнул курок, встав на боевой взвод.

Еще ступень. И еще...

Мелодия стала громче и пронзительнее. На втором этаже в плотных сумерках взгляду открылся короткий захламлен-

ный коридор с несколькими выбитыми дверями по обе его стороны. Сквозь проем одной из них падает колеблющийся тусклый свет.

Кто бы ни играл, он стоит посреди комнаты, — это подсказала искажающаяся тень.

Я сделал еще шаг, удерживая «ТТ» обеими руками, на уровне глаз.

Честно говоря, я ожидал увидеть все, что угодно, но ситуация смогла удивить.

На крышке старого разбитого при бомбежке фортепиано стоит керосиновая лампа. Скрипача я узнал мгновенно, но в первый миг не поверил своим глазам. Он меня не заметил, — играет самозабвенно, так, словно в мире больше ничего не существует.

Илья Захаров. В далеком будущем именно он, — уже не парень, а очень, очень пожилой ветеран, — придет ко мне накануне девятого мая, сорвав своим визитом лавину событий, в корне изменивших мою жизнь.

Но пока он об этом не ведает.

Мелодия вдруг угасла. Не оборвалась, а именно угасла на тревожной, недосказанной ноте. И сразу в комнату прыгнула тьма, сочась внутрь, пытаюсь задушить все, не принадлежащее к войне.

Он обернулся, заметил меня, но даже не вздрогнул, а лишь кивнул, смутившись.

— Не знал, что ты играешь.

– Учился. Еще в детстве. Городская филармония.

Я поставил «ТТ» на предохранительный взвод, вернул пи-
стоlet в кобуру и присел на колченогий стул.

– Как ты узнал, что тут есть скрипка?

– Бывал в этом музее до войны. Уж не помню, кому при-
надлежала усадьба, – ответил Илья, бережно положив ин-
струмент в запыленный футляр. – Мы жили в Сталингра-
де, – добавил он. – Вчера, когда перебазировались, я сразу
узнал это место. А сегодня вдруг так нестерпимо захотелось
играть...

– Гей, в доме! – неожиданно донеслось с улицы. – Ну-ка
покажись!

Война... Скрипка здесь совершенно не к месту. А звук в
ночной тиши разносится далеко, – неудивительно, что охра-
на аэродрома всполошилась.

Я подошел к оконному проему, но не выглянул, встал сбо-
ку, чтобы не словить дурную пулю.

– Свои!

– Это кто «свои»? Назовись!

– Лейтенант Скворцов. И лейтенант Захаров.

– Ну выходи, только без глупостей. Надо глянуть, какие
вы лейтенанты, – в голосе звучит злое недоумение. У них
своя служба.

– Только смотри, не дури! Мы выходим!

Илья вдруг растерялся. О таких последствиях он не поду-
мал. Но глупо его винить.

– Бери инструмент и пошли.

– Брать? С собой?

– Ну ты же играешь? Так почему бы и нет?

– Ну, да.

Все как-то скомкалось, поблекло, но, – я прислушался к себе и понял, – нет, не поблекло! Звонящая нота в душе все равно осталась. Пронзительная и гордая. Гордая за Илью. За всех, кто сражается. Знакомых и неизвестных. В этот миг я отчетливо, без пафоса, подумал: «Нас не сломить. Не убить. Не выжечь, сколько бы планов „Ост“ не вынашивали эти мрази»...

* * *

Наутро, спозаранку меня вызвал Земцов.

Рассвет уже наступил, но солнце еще не появилось над горизонтом. В мягких сумерках снова взъерилась канонада. Отдельные разрывы, сопровождаемые гулом, ухают очень сильно и близко. По звуку понимаю, что падают бомбы. Начался новый день войны.

Что он нам готовит? Наверняка пойдем на прикрытие войск.

Полевой аэродром постепенно обустроивается, и командный пункт переместился в только что отрытый блиндаж. Часовой у входа козырнул мне.

Спускаюсь по ступеням под землю.

Вход на КП прикрыт тамбуром с двумя дверями: первая – из толстых досок, а вторая из грубой мешковины, – она гасит ударную волну в случае близкого попадания бомбы или снаряда и неплохо задерживает пыль.

Здесь еще не обжились. Бревна в дефиците и стены укреплены фашинами (плетенками из хвороста).

Основное помещение невысокое, но просторное. Стол сбит из досок. Вокруг него расставлено несколько снарядных ящиков и пара самодельных скамеек. На столешнице разложена крупная карта района, прижатая по углам гильзами от авиапушки ШВАК. Поверх карты лежит планшет с записями боевых вылетов, карандаш и телефонная трубка с проводом, уходящим в смежное помещение.

Связисты расположились в отдельном закутке: там установлен телефонный коммутатор на несколько линий, рядом аккумуляторная батарея в ящике, а на стене видна начерченная от руки схема связи с соседними частями. Все излишки проводов смотаны в бухты и закреплены на скобах.

Командный пункт освещает керосиновая лампа, подвешенная под потолком на загнутом гвозде. Самодельный фитиль из ветоши дает тусклое желтоватое сияние. У дальней стены видна самодельная полка, которую смастерили из пустых ящиков от авиабомб, а на ней стопка газет, фляга, папиросы и пачка писем, которые еще не успели разнести по эскадрильям.

– Товарищ майор, лейтенант Скворцов по вашему прика-

занию прибыл!

Только сейчас я заметил уже знакомого капитана автобронетанковых войск, — как и вчера он сидит в стороне, и как будто дремлет, добирая многодневный недосып на передовой.

— Заходи Скворцов, — наш командир тоже выглядит предельно усталым. Лицо землистое. — Вот мы тут с капитаном Васюковым кумекаем над одной непростой задачей: как помочь нашей пехоте остановить немецкие танки?

Сама постановка вопроса меня откровенно насторожила. Мы ведь истребительный авиаполк! Да, задачи выполняем разные, в зависимости от обстоятельств, но подцепив под крылья те же авиабомбы, много ущерба наступающей стальной лавине не нанесем, — штурмовики и бомбардировщики с подобной задачей справятся куда лучше, а наше дело их надежно прикрывать.

Видимо сомнения и тень эмоций отразились на моем лице. Земцов усмехнулся в усы:

— Парой хотел летать? Вот и полетишь.

Капитан тем временем подсел за стол.

— Не понимаю, товарищ майор, — я решил спросить напрямую. — О каком именно задании идет речь?

— Сейчас поймешь. Вот ты вчера на разведку летал. Что обнаружил на станции?

— Состав с топливом. Но его ведь уже давно расцепили и растащили по тупикам. Штурмовать поздно.

– Сколько от станции до переднего края? – спросил капитан Васюков.

– Шестьдесят километров, – ответил я.

– Вот. О чем и речь, – акцентировал он. – Танки там заправляться перед атакой не могут. На маршрутах движения немецких частей обязательно есть полевые заправочные пункты. Понимаешь, лейтенант? Они здесь, близко, где-то в прифронтовой полосе. Хорошо замаскированы. Их надо обнаружить. Надежно обнаружить, – подчеркнул он, – и нанести на цель наши «ИЛы».

– Понимаю, – я взглянул на карту.

Местность кругом равнинная. Редкие отлогие холмы, рощи лиственных деревьев, да малые речушки, из-за засухи ставшие похожими на ручьи, ее не сильно-то разнообразят. Естественных укрытий в степи крайне мало. К ним прежде всего относятся балки и овраги. Ну и населенные пункты, разумеется. Там можно многое спрятать, маскируясь под фон построек.

– Ну, Скворцов? Твои соображения? Как будешь действовать? – командир смотрит на меня испытующе. – Говори. И запомни: обстановка на переднем крае крайне сложная. Каждый час задержки немецкого танкового наступления – это возможность для нашей пехоты еще крепче вгрызться в землю, оборудовать позиции. А в масштабах фронта поиск и уничтожение немецких складов с горючим может стать одним из решающих факторов нашей успешной обороны.

– Я это понимаю, товарищ майор. Идем парой?
– Да. Ты и Сорокин.
– Мой «ЯК» сильно поврежден.
– Возьмешь резервную машину.
– Радиофицирована? – сразу спрашиваю о насущном.
– Да. Мы с капитаном будем на приеме. Рация в твоей новой машине отлажена и проверена. Сорокину тоже поставили передатчик. Я еще с вечера распорядился.

«А мне ничего не сказал. Ни словом не обмолвился. И это правильно, – дал выспаться, не тревожа на сон грядущий бесполезными думами и переживаниями. Задание на самом деле сложное и рискованное. Ходить придется низко, под постоянным огнем с земли. Погода сегодня ясная, видимость, как выражаются пилоты, „миллион на миллион“. Без встреч с „мессерами“ вылеты точно не обойдутся. Немецкие истребители в подавляющем большинстве случаев выходят на „свободную охоту“, а значит могут появиться в любом квадрате и в любом количестве.»

– Я буду вести разведку, – отвечаю на прозвучавший ранее вопрос. – Ведомый – следить за небом. Уже оборудованные и замаскированные точки с хода обнаружить будет сложно, поэтому пойду вдоль дорог, высматривая бензовозы в составе колонн. Они и выведут на цель.

– Разумно. Но вот что, – капитан Васюков смотрит на карту, тяжело опираясь о край стола. – Горючее могут перевозить в бочках, под тентами. И даже в канистрах. Бензовозы в

степи приметны. Их наверняка попытаются как-то укрыть от обнаружения. Тем же брезентом на каркасе, имитируя обычный грузовик. Немцы ведь не дураки.

– Понимаю. Взял на заметку.

– И еще, Скворцов. Основные передвижения немцы стараются осуществлять ночью. Так что на бензовозы, движущиеся днем по дорогам, особо-то не рассчитывай. Танки тоже будут заправляться в основном под покровом темноты.

– Товарищ капитан, вот вы танкист, – обратился я к Васюкову. – На каком удалении от линии фронта располагаются пункты раздачи горючего? – спросил я.

– Строгого правила нет, лейтенант, но обычно километрах в пятнадцати-двадцати, – ответил он.

– Пока мне этого достаточно, – я взглянул на командира. – Разрешите идти?

– Разрешаю, – кивнул Земцов. – Вылет по готовности. Радиосвязь держим постоянно.

– Есть!

* * *

Ведомый поджидал меня снаружи. О моем вызове на КП он узнал от техников, которые в курсе всех дел на аэродроме, и теперь нетерпеливо переминался с ноги на ногу, комкая в пальцах не прикуренную папиросу.

– Пошли, – я жестом предупредил вопросы, указав в на-

правлении стоянки самолетов, и уже на ходу начал его инструктировать: – Сегодня снова идем на разведку. Задание будет сложным. Вероятно, придется сделать несколько вылетов. Твоя главная задача – прикрывать меня. Строй разомкнутый. Идешь правее. Просматриваешь небо, в особенности мертвые для меня зоны.

Он слушает внимательно. Кивает.

Пара у нас пока еще не «сколоченная», как выражаются летчики. Опыта у Сорокина маловато, летных часов тоже. Но он быстро мужает от боя к бою, это заметно.

– Держись цепко. Старайся читать и предугадывать мои маневры. Постоянно следи за небом. На твою машину поставили передатчик. В случае опасности предупреждай коротко, по сути. В чем ты видишь суть? – тут же спросил я.

Алексей не стушевался, ответил, памятуя о наших прежних с ним разговорах:

– Направление, высота, дистанция, тип цели.

– Правильно. А теперь вслух, – потребовал я.

– Ну, например...

– Вслух по сути! Любую ситуацию!

– «Худые», сзади выше, две пары! – выпалил он.

– Хорошо. Но ты забыл их маневр и дистанцию. Например, «мессер» заходит на меня сзади, но пока еще не может открыть огонь, дистанция велика. Как ты об этом сообщишь?

– Ну... – он немного стушевался, пытаясь понять, как же

можно коротко, одним словом или короткой фразой донести цифры дистанции и саму степень опасности возникшей ситуации? Надо ли мне срочно уклоняться, или еще есть несколько секунд?

– Запомни некоторые формулировки, – я не стал его мучить, делясь опытом, когда-то давно (в далеком будущем) выработанным в боевых чатах: – Ты говоришь коротко: «Дальнее шесть» – если «мессер» еще далеко, но уже заходит на меня. «Плотное шесть» или просто «шесть», если он близко и уже готов открыть огонь.

– Шесть. Шесть часов, – как эхо повторил Сорокин. – Понял, товарищ лейтенант!

Разговаривая и обсуждая предстоящий вылет, мы подошли к стоянке самолетов.

Мое первое знакомство с «ЯК–1» получилось сложным. Это было еще под Москвой, когда нас отвели на переформирование после изнурительных боев. В сравнении с «Ми-Гом» – совершенно другая машина. И неважно сколько я налетал до этого.

Сейчас вдруг остро вспомнился первый тренировочный полет. Разбег, отрыв и плавный набор высоты прошли тогда успешно, а потом вдруг резко не заладилось. Я не чувствовал «ЯК», вернее ощущал его норовистым зверем, которого надо укрощать.

Любой маневр должен быть скоординированным. Проще говоря, даже в обыкновенном вираже нужно работать не

только ручкой управления, но и педалями. Даешь самолету крен, берешь ручку на себя, и машина тут же норовит уйти в скольжение, которое обязательно надо компенсировать рулем направления, чтобы вираж вышел «чистым», без критической потери скорости.

Кажется проще простого. Индикатор поворота и скольжения всегда перед глазами. Держи шарик по центру, делов-то...

Но в бою смотреть на него просто нет времени. Чтобы эффективно драться, машину надо научиться чувствовать, привыкнуть к ней. Такое единство вырабатывается исключительно практикой, но наши вылеты в пилотажную зону тогда можно было сосчитать по пальцам, и добирать опыта пришлось уже на фронте.

К своему «ЯКу» я успел привыкнуть, сжился с ним, интуитивно понимая, что и как делать, насколько сильно надо потянуть ручку или вдавить педаль, — мы стали доверять друг другу, и вот — новая машина.

По опыту знаю: не бывает двух идентичных самолетов. У каждого есть свои особенности, если можно так выразиться — свой характер. Это зависит от многого. Регулировки мотора, усилие на ручке управления, зазоры между деталями фюзеляжа и даже качество лакокрасочного покрытия, — множество факторов влияют на нюансы аэродинамики, скорости и маневренности.

Ко мне подошел Потапыч. Мы поздоровались. Спраши-

ваю:

– Что скажешь о машине?

– Исправна. Остальное – только в воздухе, – скупое ответил он, прекрасно понимая все, о чем я только что думал. – За температурой масла приглядывай.

– Грется?

– Жарко сегодня.

Он прав. Воздух с самого утра сухой и горячий. Так что после взлета заслонки радиаторов надо держать полностью открытыми, без вариантов. Даже в положение «по потоку» без крайней необходимости их прикрывать нельзя.

Сорокин наострил уши, жадно внимает. Толк из младшего лейтенанта точно будет. Ему бы опыта поднабрать и глядишь – вскоре уже пару начнет водить. Вчера как лихо он «мессера» в пикировании срезал! И в облаке не потерялся, правильно сманеврировал, а затем еще и «юнкерс» сбил.

Но хвалить тоже нужно с умом. Вчера я так и сделал, – похвалил его скупое и сдержанное, хотя младшего лейтенанта буквально распирало от восторга и гордости.

Все. Мысли о вчерашнем дне прочь. Я коротко объяснил ему нашу конкретную задачу, затем хлопнул по плечу и сказал:

– По машинам!

Взлетели ближе к семи ноль-ноль.

Бои в эти дни приобрели особо ожесточенный характер. Танковые корпуса шестой немецкой армии попытались прорвать нашу оборону сразу с двух направлений.

К едва стабилизировавшейся после вынужденного отступления наших войск линии фронта мы подошли на высоте одного километра, маскируясь по нижней кромке дымов.

Внизу идет бой. Некоторые разрывы столь сильны, что тлеющую землю выбрасывает на тридцать-пятьдесят метров вверх, в виде стремительно вспухающих кустистых шапок, а гарь поднимается намного выше, образуя ту самую горьковатую мглу, что затягивает небо.

Жара стоит иссушающая.

Смотрю вниз и понимаю, что раньше, читая учебники истории, я не мог даже близко представить, как это было на самом деле.

Накал боев сложно передать. В степи уже сгорело все, что только могло гореть, и теперь земля, – обугленная, развороченная, сотни раз вспаханная и распластанная, по́литая потом и напитанная кровью, сочится бесчисленными дымами, разит тленом, огрызается огнем, – там насмерть стоят наши войска...

От широкого оврага прут немецкие танки. Вот один из

них вдруг окутался дымом, выбросил вертикальный сноп пламени из-под вырванной башни и остановился, пылая...

Все это промелькнуло под плоскостями и исчезло вдалеке.

Теперь внизу началась прифронтовая полоса и фактически сразу же я заметил пару «мессеров», – они идут правее и выше, двигаясь нам навстречу.

– Внимание, «худые», по курсу выше, правее. Отрываемся. В бой не вступаем.

Наше задание важнее схватки со встреченными фашистами. Я не вправе поддаваться эмоциям. Гораздо результативнее станут актуальные разведывательные данные.

Мы вошли в отлогое пикирование и канули в дымку, сливаясь с ней.

В кабине сразу стало трудно дышать. Если так пойдет и дальше, то придется воспользоваться высотными кислородными масками.

Немцы за нами не потянулись, отстали, видимо рассудив, что найдут для себя менее шустрые цели.

Касаюсь ларингофона.

– Весна, два «мессера» в квадрате 13–69.

– Весна... принял... – донесся сквозь треск помех голос наблюдателя с поста ВНОС⁸. Их организовали весьма и весьма своевременно.

Тяну вверх, выныривая из мглы. Ведомый уверенно держится следом, сохраняя дистанцию и построение.

⁸ ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Пятнадцать километров от фронта. Дымка здесь уже не такая плотная, – направление ветра относит гарь в наши тылы. Ощущается заметная турбулентность, – горячий воздух поднимается от раскаленной земли, образуя термические потоки. Взял на заметку: в случае штурмовки будет нелегко прицелиться. Чем ближе к земле, тем заметнее и сильнее становятся такие вот восходящие потоки, – самолет заметно бросает в болтанке.

Снижаюсь над дорогой, по которой движутся колонны. Внизу тут же возникает суетливое движение, – многие машины сворачивают, ища укрытие в жиденькой лесополосе. Вроде бы мелочь, а для них – все равно задержка.

Бензовозов не вижу. У «Opel Blitz» с цистерной удлинённый силуэт. Прав был Васюков. Немцы, как бы люто я их не ненавидел, отнюдь не дураки. Без крайней надобности днем заправщики не погонят по голой степи. Значит надо искать склад. Он обязательно должен быть где-то поблизости.

Зенитный огонь достаточно сильный. В основном бьют пулеметы и мелкокалиберные «Flak», установленные на машинах и бронетранспортерах.

Снижаюсь до четырехсот метров. Держу высоту, ниже не лезу. Скорость по приборам – триста пятьдесят километров в час.

Видимость, учитывая дымку, плохая. Возможно, придется еще больше прижиматься к земле, но пока – терпимо. На такой высоте и скорости ландшафты быстро сменяют друг

друга. Взгляд фиксирует в основном крупные детали рельефа, – балка, овраг, изгиб дороги, населенный пункт. Фигурки людей почти неразличимы.

Сначала надо определить квадрат для более тщательной разведки. Ищу в природе нечто неестественное для нее, какие-то правильные геометрические очертания, например ряды бочек, или пятна, отличающиеся по цвету, – накануне я ведь явственно смог различить плохо замаскированные капониры на нашем аэродроме.

Курс приходится выдерживать ровно. Просматривать местность тяжело, все сливается, глаза быстро устают.

Время бежит. Горючее расходуем, однако результат пока нулевой.

Дважды мы встретились с «мессерами», но в обоих случаях оторвались от них в коротких пикированиях.

Снова иду «змейкой». Пока безрезультатно. От гари, проникающей в кабину, першит в горле. Очень хочется пить. Губы потрескались.

Пусто. Снова и снова – пусто. Внизу, конечно же есть техника, но это все не то.

Слегка привстаю над сиденьем, насколько позволяет привязная система, и бросаю взгляд на показания датчиков топлива (на «ЯК–1» они расположены в крыльях).

Пора уходить домой на дозаправку.

Касаюсь ларингофона, прижимая его к горлу:

– Второй, идем домой.

Четвертый вылет за день.

Мы только что пересекли линию фронта.

Зло берет. Что-то мы не учли. Надо думать. Где-то в расчеты вкралась ошибка.

Ну, хорошо. Попробую рассуждать. Чем будет руководствоваться враг, планируя размещение складов? Только ли насущной необходимостью быстрого подвоза топлива?

Нет. Прифронтovou полосу в нашем секторе ответственности мы с ведомым исходили сегодня вдоль и поперек. Уже наверняка примелькались немецким наблюдателям. На нас несколько раз наводили «мессеры», но боя удалось избежать. Кроме пары незначительных пробоин от осколков зенитных снарядов, пока повреждений нет.

Что же я не учел? Да, склад горючего наверняка хорошо замаскирован, но он ведь не иголка в стогу сена. И здесь не подмосковные лесные массивы, где можно схоронить все, что угодно.

Мысль зацепилась за последнюю фразу внутреннего монолога.

Что же я упускаю? Как бы поступил сам, планируя размещение складов?

Фронт в последние дни активно движется. Стоп! Вот, что мы упустили! Наши войска были вынуждены отступить. Пе-

редний край сместился на добрые десять-пятнадцать километров, но как быстро немцы могут перебазировать большие объемы горючего?

Мысль наконец-то пошла в нужном направлении. Когда идет активное наступление, тылы неизбежно растягиваются. В таких условиях, пока фронт не стабилизировался, стал бы я, к примеру, перемещать склады?

Нет. Только в случае совершенно крайней необходимости. Лишние десять-пятнадцать километров при ночном подвозе топлива, решающей роли не сыграют, а вот скоропалительное перемещение складов с горючим может выйти боком!

Значит вот почему мы так долго и безуспешно искали признаки перевалочных пунктов ГСМ в прифронтовой полосе!

Хорошо. Допустим. Но день скоро закончится. Права на ошибку к меня нет. Даже не могу представить сколько жизней сейчас зависят от принимаемого мною решения!

– Второй, следи за небом!

Одной рукой расстегиваю планшет, разворачиваю карту.

Если сдвинуть зону поиска еще на десять-пятнадцать километров в немецкие тылы, где бы я разместил склад? Снова вспомнились подмосковные леса. Там маскировать просто. А тут в степи? Хорошо если есть естественное укрытие. В первую очередь надо проверять овраги и балки!

Намечаю новый маршрут, коротко приказываю ведомому:

– Курс 240. Смотреть в оба.

Формально я сейчас нарушаю полученный приказ. Нам с ведомым выделен конкретный район для разведки, но чем больше думаю, тем сильнее убеждаюсь, – наша цель находится глубже во вражеском тылу.

Вскоре мы вышли в намеченный мною квадрат. Он расположен в двадцати пяти километрах от линии фронта. Здесь есть небольшой населенный пункт, сходятся несколько дорог, а местность вполне подходит для размещения и надежной маскировки складов с ГСМ.

Снижаемся.

Внизу виден глубокий овраг. Проносимся над ним, – пусто.

Но тут, в новом районе поиска, подобных форм рельефа хватает с избытком. Кстати, пока не коснулось, я лично не знал, чем же отличается балка от оврага? Оказывается, различить их несложно. У оврага крутые осыпающиеся склоны, а у балки, которая, по сути, представляет собой прекративший «расти» овраг, склоны пологие, плотно поросшие дерном, кустарниками и даже деревьями.

Вижу разрывы зенитных снарядов. Белые облачка вспухают левее и выше. По их количеству понимаю: работает батарея. Опасность малокалиберных «Flak» заключается именно в плотности заградительного огня.

Резко отворачиваю на солнце, пока не пристрелялись. Пусть щурятся, выцеливая. Ведомый держится хорошо, сле-

дует маневрам, как привязанный. Еще разрывы. Опять батарея... Что же они тут прикрывают? Сердце забилося чаще, но не от страха, а от нервного напряжения. Хотя выводы делать еще рано. Надо уточнять!..

За разветвленной сетью оврагов среди кустарника внезапно промелькнули силуэты танков!

«Pz.IV»! После боев под Москвой, где мы часто ходили на штурмовку наземных целей, их очертания трудно перепутать с другими!

Солнце – наш союзник. Начинаю боевой разворот. Набираю немного высоты, выстраивая заход так, чтобы огненный диск был сзади. На его фоне заметить и выцелить пикирующую машину достаточно сложно.

Изрезанный оврагами участок степи стремительно приближается. Снова ударили зенитки, но их плотные разрывы ложатся выше.

Нужна уверенность. Взгляд ищет любые демаскирующие признаки. Они обязательно должны быть!..

Земля несется навстречу. Местность детализируется.

В сеть оврагов вливается свежая колея! И не одна!.. Выгоревший на солнце дерн разворочен колесами и гусеницами! Но проселки лежат в стороне. Сюда часто сворачивала техника! Видны небольшие участки, вообще оставшиеся без травы!..

Проношусь очень низко. В глубине оврагов, среди теней успеваю заметить прямые, как будто обрезанные ножом кон-

туры, совершенно не свойственные природе, словно склоны и дно выровнены. Да там складированы штабеля бочек! И несколько «Tankwagen» на шасси «Opel» под маскировочными сетями, – все это промелькнуло в поле зрения и исчезло, – я уже тяну вверх.

Оглядываюсь. Ведомый держится отлично, «мессеров» пока не видно. Из зоны зенитного огня вырвались быстро, – прицельная дальность у двадцатимиллиметровых «Flak» не больше полутора километров.

Пожалуй, теперь пора уходить, но только не по прямой, – могут догадаться, что мы тут оказались не случайно, навести истребители по радиации и перехватить.

У меня же связь со штабом пропала. Уже пробовал перед заходом, – далековато, одни помехи.

Спрашиваю у ведомого:

– Леха, что рассмотрел?

Он ответил с небольшой задержкой:

– Вкопанные в землю цистерны.

– Уверен?

– Да. Борта чуть выступают. Округлые. И горловины торчат.

– Молодец. Идем домой. Смотри в оба.

На посадку мы зашли без построения «коробочки»⁹, – топливо на исходе.

Данные разведки я передал еще на подходе к передовой, но все равно, завершив рулежку и передав машину Потапычу, бегом припустил на КП – докладывать.

В блиндаже царит оживление. Присутствуют командиры эскадрилий. Наша сейчас на прикрытии линии фронта, скоро должны вернуться.

– Скворцов! Докладывай. Давай сюда к карте! – командир полка жестом прервал уставной порядок приветствий.

Я подошел к столу. Капитан Васюков мне кивнул и немного посторонился.

– Вот здесь, – я указал квадрат и очертил сеть оврагов. – Здесь крупный склад ГСМ. Я видел автозаправщики и штабеля бочек. Сорокин рассмотрел цистерны. Тут и тут, – ставлю пометки, – скопления танков. Все прикрыто батареями двадцатимиллиметровых зениток. Огонь плотный.

Васюков насупился.

– Что же будем делать Николай Иванович? – капитан

⁹ Так называют стандартную траекторию полёта в районе аэродрома – обычно в виде прямоугольника в плане. Пилот следует по такому маршруту, чтобы грамотно зайти на посадку: последовательно выполняет развороты, выдерживая нужные курсы и высоты.

смотрит на нашего командира. – Штурмовики в ночь не пойдут. Пока договоримся, глядишь и утро уже.

Он прав. Планировать совместную со «Илами» операцию уже нет времени. Скоро начнет темнеть, а значит немцы снова смогут дозаправить танки, и с рассветом опять попрут на наши позиции, где войска едва зацепились за новые рубежи тонкой нитью укреплений.

Командир мыслит схожим образом.

– Не успеем, – он в сердцах тяжело стукнул кулаком по столу. Гильза от ШВАКа, прижимающая край карты, скатилась, упав с жалобным звоном.

– У нас есть три машины с установленными бомбовыми держателями, – нарушив субординацию, запальчиво высказался старший лейтенант Голованов.

– Дело! – оживился капитан. – Если б до заката ударить!

Командир второй эскадрильи Петр Чайнов взглянул на часы, сокрушенно покачал головой.

– Разрешите высказать соображения? – спросил я.

– Говори, – разрешил Земцов.

– Шести бомб не хватит. Система оврагов разветвленная. Склад на самом деле очень большой. И немцы наверняка разделили его на изолированные сегменты.

– Так в чем же твои соображения Скворцов? Говори яснее! Ближе к делу!

– Ударить надо вот сюда, – я указал на то ветвление, где лично видел бочки с горючим и заправщики, а Сорокин там

же заметил вкопанные цистерны. — Это подсветит цель. При таком условии бомбардировщики смогут сориентироваться на очаг пожара и ночью нанести массированный удар.

— А ведь лейтенант дело говорит! — тут же оживился Васюков.

— Сейчас же свяжусь со штабом фронта! — поддержал мысль Земцов.

— Товарищ майор, разрешите лететь! — попросил я.

— Нет. Ты на сегодня свое дело сделал, — отрезал командир. — В пятый вылет не пущу. Отдыхай. Сорокину передай — молодец. Так, — он повернулся. — На штурмовку пойдет первое звено второй эскадрильи. Чайнов, твое звено их прикрывает! Готовьте машины. Подвешивайте бомбы. Взлет по готовности!

* * *

— Ну, что товарищ лейтенант? — на улице меня поджидает Сорокин.

— Вторая эскадрилья бомбить будет. Мы на сегодня все, — буркнул я, недовольный, что нас не берут.

— Но как же так? — ведомый тоже расстроился едва ли не до слез. Несмотря на усталость он горит энтузиазмом.

Я хотел ответить, но в этот миг, двигаясь наискось относительно взлетно-посадочной полосы, над разрушенным домом и акациями вдруг появился беззвучно планирующий,

дымящийся «ЯК». Винт не вращается. Водорадиатор разбит, мотор перегрелся и заклинил. По бортовому номеру я сразу понял: «Захаров».

Внутри все оборвалось. Вскочив на подножку стоящей у КП полуторки, я грохнул кулаком по кабине и крикнул водиле:

– Гони!

Машина Захарова быстро теряет высоту и скорость. Шасси выпущено, и это позволяет надеяться, что Илья в сознании.

Вот колеса коснулись бывшего колхозного поля. Скрипнули тормоза, и «ЯК» едва не скапотировал! Через десяток метров его вдруг резко развернуло.

Несемся по полю. «ЯК» остановился, кренясь на правое крыло. Плоскости и фюзеляж – в решето. Дымится, но не горит.

Я спрыгнул с подножки вскарабкался на крыло. Фонарь кабины заклинило.

– Монтировку!

Водила уже рядом. Вместе мы отжали фонарь, сдвинули его.

– Илья? Живой? Не ранен? Где болит? – крови вроде не вижу. Он сидит бледный, как лист бумаги. Пальцы рук мелко подрагивают.

– Ильюха!

– Нигде не болит... – едва слышно выдохнул он. – Я «Хен-

келя» сбил... А Савва сторел...

* * *

Постепенно начало темнеть. После осмотра я насильно привел Илью в столовую. Он еще не отошел от крайнего вылета. Ему надо выпить. И поспать.

В наступающих сумерках вдруг полыхнуло и взъярилось до небес далекое зарево.

Наши накрыли немецкий склад с топливом!

Глава 3

Фронт, – это особая, совершенно неповторимая среда. Жизнь и смерть переплелись тут так тесно, что кажется вросли друг в друга нервами.

Суровая обыденность чудовищных по своей сути событий сначала кажется гротеском, но затем ты втягиваешься в тяжелое, неровное дыхание фронта и становишься его частицей.

Утро наступило солнечное, но оно тонет в багряной мгле, – передний край густо истекает дымами, сквозь которые с трудом пробивается рассвет.

Здесь все – живое и мертвое, – зйждется на резких контрастах. Две оружейницы, – высокая, плотно сбитая Зоя и худенькая Аня – совсем еще девчушки, набивают ленту к авиационному «ШВАКу». Уже скрепленные снарядами звенья, словно тело металлической змеи, пологими волнами выбиваются из ящика, отливают мутными бликами и свисают, поблескивая двадцатимиллиметровыми жалами.

Рядом на куске брезента лежит механизм для выравнивания ленты.

Движения оружейниц точны и машинальны. Пальцы сбиты, ногти обломаны. Раскапотированный «ЯК» дает им тень ободренным в бою крылом. Винт машины застыл. На нем видны царапины.

Чуть поодаль, кинув реглан на травянистый взгорок, дремлет Лешка Сорокин, – мой ведомый. Его восковое, землистое-серое от усталости лицо, в утреннем свете кажется неживым, но это обманчиво. Вот он вздрогнул всем телом, что-то бессвязно пробормотал, но не проснулся.

Девчонки время от времени украдкой поглядывают в его сторону, о чем-то шепчутся. Это и есть – жизнь. Она будет кипеть назло всему, если только снаряд, пуля или бомба не поставят внезапную точку в порывах и чаяниях их юности.

Я врос в эту землю. Я дышу этой гарью, поднимаюсь в этот воздух, в лазурь бездонного неба, уже не мысля для себя ничего другого.

Обожженная степь проснулась рано. Со стороны переднего края слышна усиливающаяся канонада, временами сливающаяся в сплошной басовитый гул. До линии фронта уже рукой подать. Изредка неподалеку бухнет шальной разрыв, взметнется и опадет земля, но это не опасно. Я уже давно привык к обстрелам и даже не поворачиваю голову.

Бои идут страшные, напряженные. Наши отступающие части цепляются за каждый бугорок приволжских степей, овраг, речушку.

Моторы «Яков» уже прогреты. Сейчас на прикрытии войск – пара второй эскадрильи. Мы ждем сигнала.

Я растолкал ведомого. Жаль будить, но дрема перед вылетом тоже не дело.

– Товарищ лейтенант? – он протер глаза, вскочил. – Что

уже летим?

– Лицо водой ополосни.

Пока он умывается, я прохаживаюсь в нетерпении.

Накрытый маскировочными сетями фургон в капонире недалеко от КП, – это полевой пункт связи полка. Иду туда, ибо мы в готовности номер два. Моторы уже прогреты, но сидеть в кабинах, как дежурная пара, не обязаны.

Начало боевого дня всегда несет в себе толику неизвестности. Ситуация на линии фронта может измениться в любой момент. Там по-прежнему идут затяжные, изматывающие бои.

Подхожу к фургону. Часовой посмотрел искоса, но тут же отвернулся.

Дверь приоткрыта – жара. Внутри царит мягкий сумрак. Там все забито аппаратурой. Радиостанции, телефонные аппараты, коммутатор. В случае чего автономное питание, помимо аккумуляторов, может обеспечить двигатель машины.

Радисты работают с двумя радиостанциями РСБ-Ф, настроенными на ту же частоту, что и наши бортовые РСИ-4. Провод, идущий к отдельному столбу, на котором закреплен громкоговоритель, позволяет слушать переговоры летчиков. Телефонисты с помощью коммутатора поддерживают внутреннюю сеть аэродрома. Дежурный офицер связи фиксирует в журнале переговоры, доклады и информацию, поступающую от постов ВНОС.

У нас в эскадрилье после нескольких дней ожесточенней-

ших боев осталось восемь пилотов. Половина – безлошадные, – их машины сильно повреждены. В том числе и Захаров. Так что фактически к вылету готовы четыре «ЯКа».

Накануне меня вызвал командир, коротко осведомил:

– Ближайшие дни будешь водить группу. Потом должно прибыть пополнение. Нам обещали выделить новые машины, но их еще нужно перегнать. А пока работаем слетанным составом. Перетасовывать никого не буду.

Тут Земцов абсолютно прав. Обстановка сложилась крайне напряженная. Менять состав более или менее слетанных пар нет никакого резона. Проще дать людям возможность отдыха между вылетами, сажая в кабины исправных самолетов смену летчиков.

Судя по суете, вдруг возникшей на пункте связи, только что поступило сообщение от наблюдателей. Я прислушался. Один из телефонистов схватил трубку, отрывисто и четко передавая сведения:

– «Хенкель–111», до сорока машин в квадрате 12–35. Высота 2500. Курс¹⁰ 90°.

Я тут же расстегнул планшет. Так, их скорость примерно триста-триста двадцать километров в час. Двигутся на восток. Наш аэродром южнее. Быстро рисую простейший треугольник перехвата. Точка, где их заметили, курс цели, положение нашего аэродрома, время нашего подлета с учетом

¹⁰ Курс, здесь и далее по тексту – угол между направлением движения и севером.

набора высоты, – получаю примерный рубеж атаки. Успеем перехватить, если взлететь немедленно! Значит нам надо держать курс 315–320°. Это грубо, но уточню на подлете.

– Скворцов, ты еще тут? – с КП выглянул начальник штаба, привычно орет. – Поднимайтесь на перехват бомбардировщиков! Немедленно!

Бегом возвращаюсь к машине.

– Потапыч!

Он выставил кулак. Я стукнул по нему, надел парашют, застегнул лямки и залез в кабину.

Быстро произвожу привычные манипуляции. Командую:

– От винта!

– Есть от винта!

Двигатель схватил сразу. Со стороны КП взлетела ракета, – сигнал на разрешенный взлет. Благодаря радиосвязи не нужно бегать за уточнением задания.

Вижу, как Потапыч убрал колодки из-под колес и махнул мне рукой, – давай!

Парами выкруливаем на старт.

Еще одна зеленая ракета. Начинаю разбег.

Взлетел. Земля быстро уносится вниз и назад. Убираю шасси и закрылки, полностью открываю масло и водорадиаторы и сразу же начинаю плавный набор высоты.

Вторая пара – лейтенант Мухамеджанов и сержант Урсулов, – тоже поднялась в воздух, пристраивается. Внимательно осматриваюсь, ложусь на расчетный курс и только теперь

закрываю фонарь кабины.

Часть шумов тут же отсекло, как и порывы бьющего в лицо воздуха.

Идем на северо-запад с постоянным набором высоты. Как только стрелка альтиметра достигла отметки в две тысячи триста метров, переключаю ступень нагнетателя¹¹.

Постоянно осматриваюсь. Обычно перед появлением бомбардировщиков немцы высылают отдельные группы истребителей для так называемой «очистки неба». Пока ничего не вижу. Но нельзя обольщаться.

Три с половиной тысячи метров. Мотор несколько раз чихнул. Аккуратно работаю ручкой высотного корректора, немного обедняя смесь. Звук двигателя сразу же стал ровнее, а язычки пламени на срезах выхлопных патрубков приобрели синеватый оттенок¹².

Внизу под редкими кучевыми облаками проплывает обозначенная дымами линия фронта.

А вот и они!

«Хенкели» движутся четыремя крупными группами, разбившись на звенья. Эскадрильи бомбардировщиков эшелонированы по высоте от двух до двух с половиной тысяч мет-

¹¹ Суть в том, что по мере набора высоты воздух разрежается, и чтобы мотор не «задышался», пилот вручную переключает ступень нагнетателя – с первой на вторую (и обратно при снижении), чтобы поддерживать нужное давление наддува.

¹² С ростом высоты давление воздуха падает, смесь становится слишком богатой. Корректор помогает вручную обеднять смесь, чтобы двигатель работал стабильно.

ров. Сверху замечаю барраж истребителей, – их четверо.

Не вижу, где Чайнов? Он сейчас прикрывает войска и не мог уйти из квадрата!

Пётр меня как будто услышал и вышел на связь, верно оценив диспозицию сил:

– Скворец, работай по бомбардировщикам, мы прикроем!

– Принял.

Я выдержал секундную паузу, чтобы переговоры не сливались в единую фразу, и снова коснулся ларингофона, отдавая команду:

– Внимание, «Хенкели» впереди-ниже. Атакую ведущее звено! Третий, бери тех, кто дальше!

Порядок атаки, выхода из нее и боевого взаимодействия мы детально отработали заранее, еще на земле, рассматривая различные варианты развития событий. Сейчас все предельно ясно. Чайнов все сделал правильно, – грамотно сманеврировал, поджидая нас, и сейчас он заходит на истребители прикрытия с небольшим превышением, со стороны солнца.

Мы же, пользуясь заранее набранной высотой, вошли в пикирование, устремившись на строй «Хенкелей».

С самого начала, исходя из курса армады, было несложно предположить, что они будут бомбить переправу. Этого нельзя допустить, но бомбардировщики – цель зубастая. Особенно учитывая, что они эшелонированы по высоте, защищая друг друга. Огонь бортовых стрелков будет очень

плотным. Нельзя ни секунды задерживаться в их секторах обстрела. Атаковать нужно на проходах. Скорость, стремительность и точность маневров, — лишь такой способ даст нам шанс заставить их сбросить бомбы, не доходя до цели.

Разгоняемся в пикировании. Выше завязался бой между парой Чайнова и четырьмя «мессерами» прикрытия.

«Хенкель-111» несложно отличить от других бомбардировщиков. При заходе сверху-сбоку отчетливо виден эллиптический профиль крыла без резких изломов, мотогондолы двух двигателей и остекление кабины пилотов, слегка ассиметричное справа, — это одна из характерных конструктивных особенностей, связанная с месторасположением штурмана.

Ну и конечно же верхняя турель с пулеметом «MG-131», калибра тринадцать миллиметров.

Стрелки нас заметили, и навстречу тут же потянулись трассы.

Дистанция быстро сокращается. Я пикирую на головной «Хенкель» сверху-справа, беру небольшое упреждение и вжимаю гашетку пулеметов, а миг спустя добавляю очередь из пушки.

Попал!

Остекление кабины брызнуло осколками. Бомбардировщик моментально потерял управление и начал резко задирать нос в кабрировании, — очевидно пилот в момент гибели рефлекторно дернул штурвал на себя.

«Сейчас потеряет скорость, уйдет в сваливание и штопором – к земле», – промелькнула мысль.

Его ведомые шарахнулись в разные стороны, нарушая боевой порядок и внося хаос в общее построение. Все это я спел заметить, отдав ручку от себя, проваливаясь ниже, чтобы избежать столкновения.

Пред глазами на миг плеснула багряная муть отрицательной перегрузки.

Разминулись. Стремясь сохранить преимущество, плавно вывожу машину в набор высоты.

Сорокин четко повторил маневр. Теперь мы снова рвемся ввысь, занимая удобную позицию для повторной атаки.

Осматриваюсь. Пара Чайнова плотно держит «мессеров» и, кажется, тех осталось трое.

Черт... А это что такое?!

Через секунду я выругался еще крепче. Вторая пара, Мухамеджанов с Урсуловым, поступили по-своему, отклонившись от заранее оговоренной схемы атаки. Прекрасно понимаю в чем дело, – у Рустама сдали нервы. Он не смог надежно сбить «Хенкель» с пикирования и сразу же сделал крутую горку, сбросив скорость, а затем «повис» на хвосте у поврежденного бомбардировщика, – под перекрестным огнем бортовых стрелков других немецких машин!

Ору по связи:

– Третий, уходи оттуда! Рустам, уходи с «шести»! Уходи вниз!

Бесполезно... Поздно!.. Я едва не взвыл, когда «ЯК» Мухамеджанова, попав под огонь носовых пушек «Хенкелей», вдруг дернулся и начал заваливаться вбок. Оба лонжерона правого крыла перебило снарядами, и оно мгновенно подломилось. Самолет, теряя горючее из развороченного бака, начал падать, беспорядочно вращаясь...

Его ведомый, – сержант Урсулов попытался сманеврировать, но, получив несколько пробоин, пикированием вышел из боя.

Одна ошибка!.. Одна ошибка унесла жизнь лейтенанта, которого я знал еще с битвы за Москву... Он погорячился. Сдали нервы. Хотел во что бы ни стало сбить...

Высота набрана. Доворачиваю на «Хенкели» и начинаю короткое пикирование.

* * *

Время в бою то растягивается до субъективного ощущения вечности, то спрессовывается в долях секунд.

«Хенкель» поврежденный Мухамеджановым, сбросил бомбы и отвалил со снижением. Остальные сомкнули строй и ощерились, ожидая нашей атаки. Армада упорно прет к переправе, где скопились наши войска.

На связь внезапно вышел пост ВНОС.

– Весна, всем в квадрате – замечена группа из шести «мессершмиттов». Высота три тысячи. Курс 90°.

Знаю, Земцов нас не бросит! В воздух уже наверняка подняли дежурную пару. Они подойдут минут через пять-семь. Это вечность по меркам воздушного боя.

С курса не сворачиваю. Сорокин цепко держится рядом. Бортстрелки «Хенкелей» загодя открыли заградительный огонь с запредельных дистанций, которые, впрочем, быстро сокращаются. Огненные трассы несутся не только навстречу, они режут со всех сторон, перекрещиваются, бьют сверху, постепенно изгибаясь на излете траекторий в силу баллистики. Не прерывая пикирования, подруливаю педалями, – бросаю машину из стороны в сторону, пытаюсь уклониться, но в общем – выдерживая прежний курс.

Это секунды. Они быстрее, чем мысль и дольше, чем жизнь...

Мой «ЯК» несколько раз ощутимо вздрогнул, вбирая шальные попадания, но рулей слушается. Все, хватит метаться.

Дистанция до бомбардировщиков стремительно тает. Попадаю к прицелу. В сетке растет длинный фюзеляж и распластанные крылья. Визуальное восприятие слегка искажено из-за скорости пикирования. Дальность определяется легко. Ты знаешь ее наверняка, исходя из количества делений, которое занимает силуэт вражеского самолета.

Все это мелькает на уровне подсознания, не успевая оформиться в четкие мысли.

Пора! Резко выношу прицел на упреждение, примерно на

один корпус, и... как будто замираю, прекратив любые маневры. Ни кренов, ни резких движений ручкой, иначе все зря...

Первую очередь даю коротко. Попал! Теперь чуть довожу по трассе – снаряды ШВАКа мутно режут воздух, вспышками впиваются в крыло, рвут дюраль, выбивают пламя из правого двигателя – горит! Горит, тварь!

Время вновь сорвалось в бешеном темпе. Едва успел уклониться и разойтись с тушей бомбардировщика.

Резко сваливаю машину к земле. Это почти как рефлекс. В момент атаки зрение становится «тоннельным» – есть ты и есть цель. Все остальное – лишь размытый фон. Пилоты немецких истребителей специально подгадывают такой момент, когда летчик поглощен атакой и ничего другого не видит, поэтому сразу по выходу я привык ломать траекторию.

Оглядываюсь. Машина Сорокина продолжает начатый при атаке курс. Вслед ему падает «Хенкель» с отрубленным хвостовым стабилизатором – молодец Леха тоже сбил, – а еще чуть дальше и выше вижу два стремительно растущих силуэта – на ведомого заходит пара «мессеров»!

Беру ручку на себя, – резковато, до потемнения в глазах. Времени на раздумья нет. Закладываю очень крутой и неправильный боевой разворот, бросая машину навстречу внезапной угрозе. На проходе даю отсекающую очередь из ШКА-Сов с расчетом сорвать их атаку.

Отбил! Немцы резким переворотом через крыло ушли

вниз.

– Лёха клювом не щелкай! – ору, но быстро беру себя в руки и добавляю уже спокойнее: – Пристраивайся!

А самого трясет. Ничего не могу сделать. Дрожь мелкая, нервная – гуляет холодком по всему телу, как ей вздумается.

Осматриваюсь. На выходе из атаки мы отделились от армады бомбардировщиков где-то на два-три километра.

Иду в разворот с набором высоты. Ищу взглядом «мессеры». Ага, вот они, – отошли в сторону, тоже тянут вверх.

Динамика бешеная. Жизнь и смерть ходят в небе рука об руку, поочередно заглядывая тебе в глаза.

Оцениваю диспозицию, затем бросаю взгляд на приборы. Чувствую, двигатель тянет заметно хуже... И точно – постепенно начал греться!.. Проклятье, – снижаясь забыл переключить ступень нагнетателя! На «МИГе» этот момент был удобнее, там стоял автомат.

Переключаюсь.

Драться, постоянно контролируя режимы работы мотора, нелегко. Иногда просто не хватает времени и концентрации внимания. Надо бы немного охладить двигатель, но для этого требуется снизить нагрузки и прекратить боевое маневрирование. Не вариант.

«Совки» радиаторов и так полностью открыты, большего из системы охлаждения сейчас не выжмешь.

Открываю фонарь кабины и выглядываю, чуть привстав над сиденьем. Мотор слегка дымит. Пока еще есть немного

времени, успеваю движением ручки корректора отрегулировать смесь, ориентируясь на звук работы мотора и цвет язычков пламени на срезах выхлопных патрубков.

Потапыч, спасибо тебе за науку...

Закрываю фонарь. Ну, «Яшка» не подведи... Держись...

Неумолимо сближаемся с «мессерами». Они всеми силами пытаются отсечь нас от бомбардировщиков.

И снова повторяюсь – это всего лишь мгновенья маневрирования. Рассказывать о них дольше, чем прожить.

Выше и сзади пары «мессеров» внезапно появились еще две точки. Вынырнули из-за сиротливого облака, пикируют с высоты. Интуитивно, по атакующей траектории понимаю – наши. Коротко приказываю ведомому:

– Уклоняемся! Повторяй!

Опускаю нос самолета, разрывая наше с «мессерами» встречное схождение.

Они дали очереди, но те прошли выше. В результате мы сохранили скорость, а немецкие пилоты теперь вынуждены разворачиваться под атакой подоспевшей нам на помощь пары.

Снова «климбим»¹³. Сленг из прошлого все реже прорывается даже в мыслях, но от некоторых словечек пока еще не отделался.

«Атаковать бомбардировщики. В бой с истребителями вступать только в крайнем случае», – такой приказ мы слы-

¹³ «Климбить» (сленг) означает «набирать высоту».

шим едва ли не ежедневно.

Четыре эскадрильи «Хенкелей», несмотря на потери, упорно ползут по небу, выдерживая курс. До переправы уже недалеко. Скоро посыпятся бомбы.

Снова и снова осматриваюсь. Уже появились первые зенитные разрывы, пока неплотные, пристрелочные.

Впереди блеснул изгиб водной глади. Отчетливо вижу несколько барж. И железнодорожные ветки подходят близко...

Переправа живет, пульсирует.

«Хенкели» будут бомбить по площадям. Через несколько минут там все превратится в кипящий огненный котел.

Движок по-прежнему греется. Работает надсажено, с изломанным звоном. «Если что – доберу высоты и пойду на таран» – мысль промелькнула блекло, почти обыденно. Наверное, в такие вот секунды запредельного напряжения нервов и начинается их «выгорание».

Догнать... Догнать и сбить. Хотя бы еще одного...

В кабине отчетливо воняет перегретым маслом. Его уже начало выбивать из-под уплотнителей мотора, забрызгивая козырек. Все. «ЯК» не выдержал...

До ближайшего «Хенкеля» еще метров восемьсот, не меньше. Слишком далеко для прицельной стрельбы. Даю очереди из ШКАСов, но мимо. Далеко...

– Лёха, атакуй! Сам!

Ведомый рванулся вперед, быстро сокращая дистанцию

до цели. Открыл огонь.

В этот момент движок моего «ЯКа» окончательно захлебнулся.

Не дотянулся я... Не дотянулся...

Слово «обида» здесь не подходит. Чувство куда более темное и сильное. Неважно, что я сбил двоих в этом бою. Неважно, что делал все, – значит сделал недостаточно!.. Первые разрывы бомб уже вспухли внизу.

Вижу, как два «Хенкеля» задымили, попав под плотный зенитный огонь.

С трудом заставляю себя отвести взгляд от переправы, взять управление, вернуться в реальность.

Температура масла зашкалила. Двигатель встал, но, что если попробовать его завести? Водорадиатор вроде бы не выкипел... Белесого следа за мной нет...

В небе идет воздушный бой. Подросла еще одна группа наших истребителей.

Тишина кажется всеобъемлющей. В зазорах негерметичной кабины тонко посвистывает ветер. Лопасты винта лениво вращаются под напором набегающего воздуха, – значит еще не все потеряно. Есть слабая надежда, что движок не «словил клина», а остановился по какой-то другой причине. Планирую.

Высоты должно хватить. Скорость уже значительно упала, хотя машина идет с небольшим снижением. На всякий случай намечаю площадку для аварийного приземления, благо

в степи подходящих мест хватает.

Регулятор постоянных оборотов выставляю по нанесенной Потапычем риске. Это необходимо для запуска.

Движениями плунжера шприца заливаю порции топлива, – сначала в помпу, затем в цилиндры. Открываю кран пневматического самозапуска, вжимаю и удерживаю кнопку вибратора.

Винт несколько раз провернулся. Мотор чихнул, патрубки густо плюнули дымом. Еще раз...

Схватил!

Осторожно добавляю оборотов. Понемногу, постепенно. Работает!

Беру курс на свой аэродром.

* * *

Обратный путь окончательно сжег нервы.

Напряжение не отпускает. Двигатель работает неровно, козырек фонаря кабины забрызган почерневшими пятнами и разводами, – почти ничего не вижу, но фонарь пока не открываю, зная по опыту, что если высунуться, то горячим маслом может обжечь лицо.

Высота постепенно падает. Для ее набора недостаточно мощности поврежденного мотора, приходится идти низко.

Временами наступает состояние безразличия, какой-то отстраненности от событий. Плохой звоночек. Чтобы вое-

вать, надо жить.

Наконец показались знакомые ориентиры.

Захожу на аварийную посадку. В небо взлетела ракета, затем еще одна, — меня видят, полоса свободна.

Скорость на минимальном допустимом пределе. Выпускаю шасси и выключаю мотор, чтобы тот не дай бог не вспыхнул.

Снова навалилась тишина и это тонкое режущее по нервам посвистывание. Открываю фонарь кабины, — теперь уже можно. Чуть привстаю над сиденьем, выглядываю поверх и вправо.

Земля всего в паре метров... Выравниваюсь... Еще чуть ниже... Полоса стремительно несется навстречу. Снова осторожно подтягиваю ручку, приподнимая нос машины.

Касание...

Пробег... Скрип тормозов. «Як» покачнулся и окончательно остановился в конце взлетно-посадочной полосы.

Вдруг навалилась оглушающая усталость, словно все силы теперь уже окончательно иссякли. С трудом расстегиваю привязные ремни, выбираюсь из кабины на крыло, затем спрыгиваю на землю и невольно бросаю взгляд на свою машину.

В капоте зияют две внушительные, вогнутые внутрь пробоины.

Почему-то сразу легче. Хорошо помню те удары попадания на втором заходе. Просто не знал, куда именно прилете-

ло. Получается это не я спалил двигатель...

Теперь надо как-то стряхнуть липкое безразличие. Я хлопал «ЯК» по оцарапанному, забрызганному маслом фюзеляжу, и начало отпускать.

«Ничего браток. Держись. Залатают. Нам с тобой жить и воевать дальше...»

* * *

Канонада не утихает.

Настроение за ужином по большей части подавленное. Сегодня полк снова понес тяжелые потери. Из боя не вернулись Мухамеджанов и Урсулов, и еще сержант Митрофанов из второй эскадрильи. Несмотря на количество сбитых нами «Хенкелей», уцелевшие бомбардировщики все же провалились к переправе. Слишком много их было.

Молча выпили, помянув погибших.

Сорокин сегодня сбил двоих, как и я, но сидит горбясь, по большей части молчит, вяло ковыряя вилкой в тарелке.

Нет. Так никуда не годится.

Сумерки сгущаются, и чувствуя, что надо как-то сломать этот тяжелый настрой, я вдруг сказал, подчиняясь внутреннему наитию:

– Илья, ну-ка тащи скрипку!

– Надо ли? – Захаров смутился и замялся.

– Тащи, говорю!

– Ну, ладно, сейчас...

Я обернулся к лопоухому сержанту из батальона аэродромного обслуживания. Даже фамилию его припомнил:

– Астафьев, давай гармонь! Кто на гитаре играет? Есть инструмент?

Мой внезапный порыв вдруг подхватили. Видимо он оказался очень убедительным и главное – заразительным. Вскоре инструменты уже принесли. Старшина Потапов взял в руки гитару и перебором извлек несколько аккордов.

– Ну? – он вскинул взгляд. – Давай, Андрей, напой, что ты там задумал? Только душевно, да?

Вот же засада. Сам ведь напросился.

– Сейчас попробую, – я отчаянно откашлялся.

На самом деле строки давно сложились. Они родом еще из-под Ржева... Стихи я написал еще под Москвой. Правда композитор из меня «никакой», но спеть, наверное, смогу. Надеюсь, что смогу...

И я начал. Сначала тихо и вдумчиво, а капелла:

...

*Чем ближе к фронту, тем мертвее лес,
Внизу щепы, руины, да траншеи...*

...

Старшина взял несколько аккордов и пошло душевнее, как он выразился. Гитара задала ритм, и я его подхватил.

...

*Мы даже в полдень в сумерках летели,
От чада, что растекся до небес...*

...

И вдруг вступила гармонь. Астафьев растянул меха, а затем начал подыгрывать – коротко и резко.

В столовой быстро стал собираться народ. Подтянулись летчики, бойцы батальона аэродромного обслуживания, техники.

...

*Вокруг разрывы, в плоскости осколки,
Прошито небо трассами огня...
А из-под солнца деловито, с толком,
Два «мессера» заходят на меня...*

...

И тут заиграла скрипка. Как оказалось у Захарова исключительный слух. Он сразу же попал в мелодию, ёмко, по существу, а я продолжил:

...

*Нет, сволочи, так просто не возьмете,
Пожить еще я толком не успел...
На перегрузке в правом развороте,
На упреждение выношу прицел...*

...

– Ну что это такое? Что за буржуазный декаданс? – на зву-
ки скрипки явился капитан Иверзев.

Декаданс? Да еще и буржуазный? Надо же – какие слова
он знает...

На начштаба зашикали. В том числе и командир полка,
который оказывается пристроился на табурете, пальцами от-
бивая такт мелодии.

...

*Усталый ШКАС сожрал огрызок ленты,
Вслед за фашистом потянулся дым,
А я поймав всю ненависть момента,
Все ж довернул вдогонку за вторым...*

...

Скрипка внезапно стихла, а перебор струн гитары поче-
му-то стал медленным, и я невольно подчинился этому рит-
му:

...

*Но он бежит, не принимая боя,
Над кромкой леса немца гонит страх,
А мой движок – весь в оспинах пробоин,
Дышит... Видать спалил на виражах...*

...

И снова вступили гармонь со скрипкой, – удивительный, изымающий душу дуэт.

Затем ударил гром аплодисментов и раздался голос политрука нашей эскадрильи¹⁴:

– Вот! Вот, товарищи! Вот как надо жить и воевать, выкорчевывая фашистскую нечисть!..

Его фразы потонули в одобрительном гуле голосов. Настроение у всех резко поднялось, а что еще надо на фронте?

– Давай еще раз, Скворцов!

– Так им, гадам!

– Браво! Бис!

Старшина Потапов снова заиграл перебором.

¹⁴ В августе 1942 года должность политрука в советском истребительном авиаполку существовала. Институт военных комиссаров был восстановлен 16 июля 1941 года и действовал до 9 октября 1942 года.

Глава 4

Это случилось спустя две с половиной недели после нашего прибытия на фронт.

От полка осталось меньше эскадрильи. Многие убыли по ранению, – схватки в небе кипят жесточайшие. На ходу сейчас всего пять машин, – остальные потеряны в боях, либо повреждены в такой степени, что годны лишь на запчасти.

О людях говорить сложно. Все мы в той или иной степени начали выгорать – от нечеловеческого напряжения и усталости. Чувствую это по себе. Почти не сплю.

Мне кажется что-то готовится. Грядет.

Не могу объяснить, откуда предчувствие. Точного знания нет, – историю я в свое время изучал лишь в общих чертах, да и то по необходимости. Теперь вот жалею, да поздно.

Наши войска удержали позиции и даже перешли в контрнаступление, но далеко отбросить немцев не удалось. Похоже на небольшую передышку.

Дислокация нашего полевого аэродрома для фашистов уже не секрет. День за днем нас пытаются блокировать на земле, но пока у них ничего не получается.

Смотрю на себя в зеркало. Осунулся. Стал резким в словах и суждениях. Надо бы побриться...

Уже вечерет.

– Андрей, пошли, пора на боковую, – ко мне подошел За-

харов.

– Извини, пока не хочу.

– А надо!

– Ильюх, зачем мне спать? – отвечаю блекло. На злость к вечеру нет сил. – Пару часов перехвачу и ладно.

– Ты должен быть свежим к утру! – упрямится он.

– Я ничего не должен, кроме как воевать, – огрызаюсь скорее по инерции, чем с желанием спорить.

– Ошибешься в бою из-за усталости, кто виноват будет? – не унимается друг.

Он прав.

Чёрт, он прав, но ничего не могу с собой поделаться. Выгорело все. Опустело. Тупая, изматывающая усталость тоже перегорела. Когда болтаешься на привязных ремнях, вцепившись в ручку управления, и крутишь, крутишь, крутишь на перегрузках, не давая себя убить, то после вылетов не остается ничего. Никаких эмоций. Нет даже боли в мышцах, – лишь потухший взгляд и какое-то нечеловеческое безразличие ко всему.

К нам подошел Потапыч, молча похлопал меня по плечу, а затем веско обронил:

– Летаешь ты, Андрей неплохо, а вот с настроением что-то делай. Иначе боком тебе вылезет.

Я кивнул. По-прежнему нет желания спорить. Да и правы они оба, – поспать действительно надо. Хотя бы немного.

– Пополнение будет? – тем временем поинтересовался

Илья, зная, что техники всегда в курсе большинства дел и событий.

– Будет. На днях должны новые самолеты пригнать. Полк вроде бы хотят переформировать по новому штату. Три эскадрильи вместо двух. Слышал, как Земцов с Иверзевым об этом говорили, вот только в тыл нас отводить не собираются. Просто пополнят, насколько я понял.

– А кто самолеты пригонит-то? – уточнил Захаров.

– Так молодые летчики, ясно дело, – ответил старшина.

– С училища?

– Кто как. Кто с училища, а кто из госпиталя.

– В строй их надо будет вводить, – Захаров почесал затылок. – А как? В бою что ли?

– А вас с Андреем кто в строй вводил? – усмехнулся старшина.

– Ну так то сорок первый был.

– Так и сейчас, Ильюха, ситуация не лучше, – вздохнул Потапыч, констатируя очевидное. – Времени на раскачку ни у кого нет. Дай бог чтобы инструктора в их училищах были, как у Андрея. Помнишь? – он ткнул меня кулаком в плечо. – Словечки ты непонятные ввинчивал, все на своего инструктора сваливал, но летал-то хорошо! И сбивал...

Если б он знал какую стремную тему затронул.

– Пойду-ка я спать.

Потапыч одобрительно кивнул, но по-прежнему смотрит с прищуром.

– А как звали-то твоего инструктора, Андрюх?

Я буркнул что несвязное и пошел в землянку.

Моего настоящего инструктора звали «ви-ар». Это сокращение от словосочетания «виртуальная реальность».

Летали мы много, а вот историю знали мало. В основном учили матчасть, так как с точки зрения физики, аэродинамики и прочих нюансов «достоверности» мой любимый симулятор поршневых самолетов времен Второй мировой был крайне жестким.

В цифровую эпоху, когда на поле боя уже царили беспилотники и другие роботизированные системы с элементами «ИИ», а в сети агрессивно развивались различные «нейронки», киберпространство росло быстро, я бы сказал – семимильными шагами, и возможностей для самореализации оно давало очень много.

Хотя, однажды под Ржевом Игнат Панфилов – он тоже был из моего времени, – задал один важный вопрос:

«Андрей, вот как ты умудрился поднять в небо „МиГ“? Честно – не понимаю, – сказал он тогда. – Ведь стик геймпада, – это же не ручка управления самолетом. Откуда взялся навык? Ты ведь по любым раскладам не мог взлететь».

Отчасти он прав.

Скажу честно: для нас, – виртуальных пилотов двадцать первого века, многие нюансы управления поршневыми истребителями выглядели совершенно не очевидными. Мы ведь не заканчивали летных школ и у нас не было инструк-

торов, знакомых с реальной техникой этого времени. Да и многие авиационные симуляторы, через которые я прошел в самом начале внезапно возникшего увлечения, отнюдь не блистали достоверной моделью физики полета. Скорее наоборот. Виной всему те «упрощения», что намеренно вводились разработчиками ради комфорта конечного потребителя.

Проще говоря, в большинстве симуляторов летать мог даже ребенок, а контроллеры, посредством которых управлялись виртуальные самолеты, вообще не имели ничего общего с понятием «достоверность». Тут Панфилов абсолютно прав. Их затачивали на максимальное удобство, ибо массовый пользователь не любит трудностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.